

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ЧЕРНАЯ
СМЕРТЬ

Александр Сергеевич Конторович

Черная смерть

Серия «Черные бушлаты», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633015

Аннотация

Одинокий человек во вражеском тылу. Нет связи со своими, нет помощи и соратников. По пятам идут опытные и матерые спецы из абвера. Им отдан приказ взять преследуемого любой ценой – и они полны решимости этот приказ выполнить. Но и со стороны своих тоже не приходится ожидать поддержки – спецгруппа НКВД имеет приказ любой ценой не допустить пленения Леонова (Котова) немцами. И даже ликвидировать его при угрозе захвата. А за спиной вчерашнего штрафника – десятки и сотни жизней, которые он может попытаться спасти. И в этом бою, собственная голова – ещё не самая большая ценность...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	33
Глава 5	47
Глава 6	67
Глава 7	80
Глава 8	96
Глава 9	117
Глава 10	131
Глава 11	142
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Александр Конторович

Черная смерть

Глава 1

Зарулив на стоянку, самолет заглушил двигатели. Смолк их давящий рев, и затих монотонный посвист винтов.

Стукнула открывающаяся дверь, и бортмеханик укрепил на краю люка легкую лесенку. Штандартенфюрер, подойдя к проему, осмотрел летное поле внимательным взглядом и, не торопясь, спустился на землю. Небрежно отсалютовав вытянувшимся в струнку бортмеханику, он двинулся к подъехавшему автомобилю.

– Хайль Гитлер! Как долетели, господин штандартенфюрер? – встречавший его гауптштурмфюрер Горн, прищелкнув каблуками сапог, выбросил руку в приветствии.

– Хайль Гитлер! Неважно, Генрих. Последние два часа нас нещадно болтало. Я уже проклял тот момент, когда решил позавтракать перед полетом.

– Сочувствую... Мы приготовили вашу комнату, все как обычно. Я полагаю, что ужинать вы будете позднее?

– Скорее всего и вовсе откажусь, мутит что-то. Как профессор?

– С самого утра заперся в экспериментальном блоке со

своими...

– Я понял. Вот что, Горн, пусть машина едет за нами следом. Давайте прогуляемся не спеша, благо погода не препятствует.

– Слушаюсь! Один момент! – Гауптштурмфюрер повернулся к сопровождавшим его эсэсовцам и отдал необходимые распоряжения. – Все в порядке, штандартенфюрер, ваш багаж доставят на место.

Кивнув в ответ головой, Рашке двинулся по дороге. Горн последовал за ним. Некоторое время они шли молча. Автомобиль, отстав метров на двести, неторопливо полз по дороге следом.

– Так какие у вас последние новости, Генрих? Как я понял из твоих сообщений, русского ты видел, так?

– Все верно. Как мы тогда с вами условились, я дал кодовый сигнал о состоявшейся встрече. Мы с ним действительно виделись и разговаривали, прямо вот как сейчас говорим.

– И что же так взволновало тебя? Так, что ты попросил личной встречи?

– Я долго думал над моим разговором с русским. И у меня сложилось впечатление, что мы, сами того не желая, прикоснулись к чему-то непонятному. Природы чего мы пока еще не понимаем.

– Что за пессимизм, гауптштурмфюрер? Чего тут непонятного может быть? Ну – диверсант, ну – талантливый, так чего же вам неясно?

– Как вам сказать... Попробую пояснить. Леонову сейчас сорок пять лет, то есть родился он еще при царе и первоначальное обучение прошел еще тогда. Навряд ли это была церковно-приходская школа, как вы полагаете?

– Ну... возможно. И что из этого? Допустим, что он еще из старого состава русской разведки или чего-то подобного. Это что-то сильно меняет?

– Он назвал свое место службы.

– А! Это уже плюс! И из какого гнезда вылетают столь зловещие птенцы?

– Спецподразделение «А» Первого Главного Управления КГБ СССР.

– Это еще что за фирма?

– Не слышал. Я осторожно навел справки у коллег из абвера и у наших спецов – то же самое. Никто ничего не знает о таком подразделении.

– Ну, мало ли что могли напридумывать русские в последнее время. В конце концов, это вообще не наше дело. Подкинем эту информацию ребятам из шестого управления, пусть у них голова болит.

– Со слов русского, это подразделение существует уже давно. И он служит в нем тоже не первый год. Он сказал – почти двадцать лет.

– Тем более! Фитиль от руководства этим парням обеспечен! Прозевать существование целого спецподразделения – за это по головке не погладят.

– Леонов свободно говорит по-английски. И, как я понял, не только на этом языке. Зачем обычному диверсанту такие знания?

– Так... Это новость... Такими кадрами не разбрасываются попусту...

– То же самое я ему и сказал. И знаете, что он мне ответил?

– Что же?

– Что таких специалистов, как он, – много.

Рашке крикнул. Покрутил головой, ослабляя вдруг ставший тесным воротник.

– Ничего себе... Он не сказал сколько?

– Сказал – достаточно.

– Знать бы, каковы его представления о достатке... Черт! Генрих, ты только усугубил мое плохое настроение! Надеюсь, что хотя бы здесь он один такой?

– Исходя из наших данных – один.

– И за то хвала Господу! Кстати, как наши задумки? Удалось?

– В полной мере. Он согласился принять от меня консервы и галеты.

– Ага! Я же говорил, что у него плохо с продовольствием!

– По-видимому. Во всяком случае, посланные за ним следом солдаты нашли его место ночевки.

– И что там?

– «Подарки» подействовали. Мы обнаружили там забы-

тый кинжал. Нашли две вскрытые банки консервов из специальной серии. След русского от места ночевки был неровным, петляющим. Совсем непохожим на предыдущий. Потом он, по-видимому, оправился, пошел ровнее.

– Так! До места встречи ему идти еще два дня... За это время он нажрется препарата по самые уши. Профессору об этом ты ничего не говорил?

– Нет. Он вообще со мной не общается. Сильно раздражен на нас всех.

– Черт с ним! Лишь бы его «выпускники» отработали как нужно. Ладно, Генрих, хоть тут ты меня порадовал! Где там автомобиль? Поехали!

Глава 2

Похоже, что немцы все-таки играют в какую-то хитрую игру. Не зря мне сразу же не понравилось слишком уж уважительное поведение Горна. Ну, в плане сигаретами угостить – тут в принципе все может быть. Но вот кормить противника? Нонсенс. Не катит. Вряд ли немец, тем более эсэсовец, будет проявлять подобное рыцарство. Поэтому сразу после выхода из оврага я попер, что твой конь, – только пятки сверкали. Риск нарваться на немцев был, но вариантов других у меня не имелось. Пустят ли они за мной «хвоста»? Я бы пустил. Так что не будем думать, что они дурнее. Возьмем это за аксиому – «хвост» есть. Ну что ж, поработаем на публику. Через несколько часов я остановился и принялся за «художества». Первым делом перекусил из своих запасов. Пустые банки спрятал в ранец. Вес небольшой, зато следов никаких. Кстати, немец у меня его не видел, так что – плюс. Не знает о моих запасах, уже хорошо! Вряд ли ему точно известно, что возил с собой в багажнике их водитель. Потом я осмотрел немецкие «подарки». Банка как банка, ничего особенного. Какие там у них маркировки на консервах были – черт его знает! Я, во всяком случае, не знал. Так что мне эти буквы и цифры не говорили ничего. Распотрошив пару банок, я щедро накормил их содержимым лесное зверье. Авось кто-нибудь да сожрет до утра. Банки отнес к месту своего пред-

полагаемого ночлега и оставил там. Воткнул в дерево кинжал. Не жалко, у меня еще есть. А вот этим после того, как я открывал им «подарки», пользоваться было как-то... стремно... Покатавшись спиной по земле, я изобразил место сна, после чего рванул в ночной лес со скоростью хорошо прищипоренной лошади. Стемнело, так что и не пришлось особенно выеживаться, изображая неуверенную походку. Только под утро, когда ноги уже совсем загудели от усталости, я забылся-таки тревожным сном. Будем надеяться, что разрыв у меня с немцами составляет не менее нескольких часов — времени отдохнуть хватит.

Радиограмма

Третьему.

След русского потерян. Направление его движения до момента потери следа соответствовало указанному.

Девятнадцатый.

Девятнадцатому».

Наблюдение прекратить, поисков русского не предпринимать. Возвращайтесь на базу прежним путем.

Третий.

Вот уже целый день я лежу в развалинах дома и разглядываю эту деревню. Вернее, то, что когда-то ею было. Не так

давно что-то, вероятнее всего – подбитый самолет, со всего размаху пропахало неслабую борозду через почти половину деревни. И в конце этой борозды рвануло. Да так, что местность стала напоминать лунный пейзаж. Видимо, после этой катастрофы население и покинуло деревню. Или немцы его отселили. В данном случае это не главное. Гораздо больше меня интересовало то, почему именно данное место было выбрано немцами для предстоящих... гм-м... «показух»? Что, вокруг ничего более интересного не нашлось? Да хоть бы и в том самом овраге, например. Блокируй выходы и запускай туда своих, как он их там называл? А, «выпускников»! Почему здесь? Почему не там? Значит, есть именно тут какой-то подвох. Есть у них тут преимущество, понять бы – какое?

Разложим по полочкам все, что я уже успел рассмотреть. Выходов из деревни несколько. И если парочку перекрыть можно вполне без проблем, то вот с остальными... Тут не все так просто... Есть еще по меньшей мере три выхода, где подобный фокус затруднителен: слишком близко подходит лес. Видимо, именно поэтому там и пасутся фрицы. Они постарались максимально возможно заблокировать ту сторону деревни, через которую я мог бы уйти дальше. Противоположная сторона ими не охраняется. Дабы я мог беспрепятственно в деревню войти. Что я и сделал этой ночью. Хотелось бы надеяться, что незаметно для них. Ну, еще бы! Ждут они меня тут только завтра. Не зря же я намекнул Горну на

свою усталость. Вот пусть они и думают, что я еще отсыпаясь где-то в лесу. А я уже здесь, лежу и смотрю. И пока не понимаю – почему здесь? Что тут такого особенного в этой деревне? Улицы... Их в деревне три. И через две из них пролегла борозда, пропаханная самолетом. Расположены эти улицы как бог на душу положил и с одной точки не просматриваются. Некоторые не поврежденные взрывом дома немцы для чего-то разобрали. Не просто снесли или взорвали, а именно что разобрали, вывезя остатки куда-то из деревни. Зачем? Немцы – педанты и просто так ничего не делают. Значит, зачем-то им это было нужно. Есть ли какая-нибудь в этом закономерность? Разобраны совсем разные дома, так что версию об определенном типе стройматериалов можно исключить. Да и просто напилить бревен в лесу было бы проще и менее затратно. Так что причина тут другая. Какая же? Чем, например, вызвано желание разобрать именно эти дома, а не какие-то другие? Расположение домов? А что, очень даже может быть... Мысленно сопоставив точки расположения домов, я убедился, что разобранные дома находились на нескольких линиях. Проследив их направления, я понял: линии не параллельны и сходятся к одному центру. Место это находилось за пределами деревни. Холм, на котором когда-то стояла церковь или что-то подобное. Кстати говоря, если это была церковь, то это уже не деревня – село. Да и улиц тут многовато для деревни. Что это мне дает? Посмотрим позже, а сейчас продолжим рассматривать остатки церк-

ви. Снесли это строение достаточно давно. Сейчас там виднелся только остаток фундамента. Остаток ли? Что-то высоковато для фундамента... Я не большой знаток архитектуры, но вот чтобы в церквях строили такие высокие фундаменты? Да и в других постройках – тоже. Тут не север, нет необходимости настолько поднимать здание над грунтом. Жаль, нет бинокля, но и так можно понять, что фундамент надстроили, он стал выше на пару метров. Значит, это наблюдательный пункт. Его спрятали от посторонних взглядов и нежелательных гостей. Часто ли его используют? Ведущая к нему колея достаточно хорошо накатана, стало быть, посещают его достаточно часто. Насколько? Ну... пару раз в неделю – это совершенно точно.

Ладно, это я выяснил. Что дальше? Скорее всего, там у них стоит оптика. С ее помощью можно отслеживать все перемещения в деревне. Значит, здесь у них полигон для натурных испытаний своих «суперсолдат». Они выпускают их сюда, и, по-видимому, здесь же происходит их встреча с противниками. Убежать отсюда нереально – немцы наверняка плотно перекрывают все выходы. Так что у противостоящих «выпускникам» противников шансов уйти от боя немного. А каковы эти шансы у меня? Думаю, что не слишком высоки...

Значит, приплыли? Состоится тут у меня, так сказать, «последний выход»? Похоже, что именно так... Ладно, в этом случае надо будет постараться, чтобы впечатления о нем у «зрителей» остались самые серьезные... Кто там ска-

зал, что последняя минута запоминается лучше всего? Знал, наверное, дядя, что говорил. Ну вот и не будем опровергать великих мыслителей, устроим немцам незабываемые впечатления. Так, что мы имеем из запасов? Продуктов хватит еще на пару дней, потом придется думать о том, где взять еще. Хотя не факт, что мне это будет актуально... Патронов хватит, кинжал есть, пара гранат – пободаемся. С этим ясно, теперь надо подготовить место для работы. А для этого придется тут поползать. И немало, желательно так, чтобы фрицы не засекли. Кстати говоря, если это село, то магазин тут должен быть. Может быть – и не один. А в магазинах обычно подвалы бывают...

Радиограмма

Михайлову.

Обнаружена активность подразделений противника вокруг аэродрома Глубокое. Район плотно оцеплен. Проникновение внутрь маловероятно. Разведкой объектов установлено, что особые меры безопасности предпринимаются противником в квадрате 8-11. Вокруг данного объекта расположено не менее роты солдат. Основное внимание охраны обращено на предотвращение выхода кого бы то ни было изнутри оцепления.

Роман.

Роману.

По имеющейся информации, подтверждается прибытие в указанный вами район группы высокопоставленных лиц из Берлина. Не исключено, что это может быть связано с основной целью вашего задания. Приказываю сосредоточить все внимание на объекте в квадрате 8-11.

Михайлов.

Лазить по селу мне долго не пришлось. Магазины в нем действительно были. Я нашел целых два. Причем один из них был явно дореволюционной постройки. Крепкое деревянное здание возвышалось на основательном кирпичном фундаменте. Искомый подвал в нем обнаружился. Выходов в нем было два: собственно в магазин и на улицу. Дверь, ведущая внутрь, была взломана, очевидно немцами. Трудно сказать, что искали немцы в подвале сельского магазина и чем увенчались их поиски. Но дверь они вынесли чисто по-немецки: аккуратно и с размахом. Место, где висел замок, вообще отсутствовало. Видимо, немцы, не заморачиваясь особыми изысками, просто подвесили туда тротилловую шашку. Разделенный на несколько отсеков подвал был пуст. Выход на улицу оказался прикрыт двумя массивными лючинами, запертыми снаружи на перекладину и висячий замок. Замок этот уцелел, и я потратил не менее часа времени, вырезая кинжалом пробой, державший перекладину с другой стороны. Закончив с магазинным подвалом, я

вернулся наверх. За время моего отсутствия около наблюдательного пункта немцев произошли некоторые изменения. Там появился грузовик, из которого несколько солдат таскали внутрь наблюдательного пункта какие-то вещи.

Исходя из данного мне гауптштурмфюрером срока, у меня было еще около суток или чуть меньше. Еще оставалось немного времени на подготовку. Правда, надо было учитывать и то, что немцы наверняка уже начали контролировать село, и всякие передвижения по нему были теперь затруднены. Ну ничего, где наша не пропадала.

Радиограмма

Второму.

Замечены передвижения в районе объекта номер шесть.

Одиннадцатый.

Одиннадцатому.

Продолжайте вести наблюдение. Передвижениям не препятствовать. Установить количество посторонних лиц в районе объекта.

Второй.

Второму.

Визуально отмечены передвижения одного человека.

Данные о других контактах подтверждения не нашли.
Одиннадцатый.

Телефонный разговор.

– Рашке слушает.

– Штандартенфюрер! Он пришел. Посты наблюдения за-секли перемещения в районе объекта номер шесть.

– Это точно он?

– Там больше никого нет, да и быть не может.

– Не торопитесь, Горн. Его удалось идентифицировать?

– Нет. Посты наблюдения сначала было доложили о перемещениях нескольких человек. Но после анализа того, что они видели, выяснилось, что это все-таки был один человек.

– Почему же они доложили о нескольких?

– Передвижение было очень быстрым. Человека за короткий отрезок времени наблюдали в разных точках. Манера передвижения во всех случаях одна и та же.

– То есть вы полагаете, что во всех случаях это был один человек?

– Да, штандартенфюрер!

– А не могло получиться так, что это было несколько человек, обученных передвигаться одинаково?

– Маловероятно, штандартенфюрер. В этом районе больше неоткуда взяться русским диверсантам. Да и не только русским – вообще любым. Только круглый идиот полезет в улей, полный рассерженных пчел. А в том, что пчелы настроены весьма недружелюбно, может убедиться любой желаю-

щий.

– Ну-ну, штандартенфюрер. Как знаете. Не забывайте, что ответственность за безопасность профессора и его сотрудников возложена персонально на вас.

– Я все помню, штандартенфюрер. Не сомневайтесь, я не подведу.

– Как знаете, Горн. Как знаете.

Вот уже и вечер на дворе. А я так и не успел еще выполнить всего задуманного. Ползать по селу ночью стремно. Кто его знает, какими средствами наблюдения располагают здесь немцы. Я уже несколько раз натыкался в домах на какую-то непонятную проводку. Это явно не деталь сельского быта, хотя бы потому, что на данных кабелях присутствует немецкая маркировка. Подобного фокуса до войны быть не могло. Да и после войны это было совсем уж маловероятно. Куда вели эти провода, я выяснить не успел. Поэтому оставалось предполагать со стороны немцев какие угодно подлянки. Проплутав в развалинах еще около часа, я приглядел парочку перспективных мест. Лазить на глазах у немцев далее не следовало, и я залег в одном из облюбованных ранее укрытий. Надо было отдохнуть и элементарно выспаться. То-го, что немцы бросятся прочесывать село, я не опасался. Уж слишком невероятным был бы сейчас этот шаг с их стороны. Поэтому я со спокойной совестью завалился спать.

Глава 3

Разбудил меня какой-то гул. Спросонья я даже не сразу понял, что это такое. Учитывая то, что во сне мне снилась какая-то хрень из современности, такое пробуждение было вполне естественным. Продрав глаза, я подскочил к окошку полуподвального помещения, в котором провел всю ночь. Дом сверху был немцами разобран, и остатки фундамента, в которых я запрятался, были аккурат на глазах у сидевших на горочке фрицев. Именно поэтому я и выбрал данное место. Никто же не ищет у себя под носом. А от этих развалин до наблюдательного пункта было чуть более ста метров.

– Подполковник Леонов! Я знаю, что вы меня слышите. Вы прошли большой путь. Он был трудным и опасным. Но вы сумели это выполнить. Ваша цель достигнута. Вы пришли туда, куда должны были прийти. Я жду вас. Выходите из своего убежища и поднимайтесь на холм к автомашинам.

Это что еще за глас небесный? Такое впечатление, что голос идет одновременно со всех сторон. Повертев головой, я убедился, что ближайший ко мне источник звука расположен примерно в двадцати метрах. Там как раз стоял не разобранный немцами домик. Осторожно подойдя к отдушине в фундаменте, я посмотрел сквозь нее на наблюдательный пункт. За ночь там прибавилось машин. Появилось еще два грузовика и легковушка. Неслабо же я спал, раз не услышал

звука моторов. Голос между тем повторился, продолжая вещать тот же самый текст. Блин, вот что мне снилось-то. Во сне я попал на дискотеку времен восьмидесятих годов. Ревущие со сцены динамики удивительным образом совпали с объявлением немцев. Интересно, они действительно меня видят? На это ничего прямо не указывало. Я не видел вокруг места своего ночлега шеренги автоматчиков или хотя бы пары-тройки часовых. Блеф? Берут на понт? А почему бы и нет? Я вспомнил переданные мне Горном консервы. Значит, я был прав, и в этих банках действительно содержалась какая-то гадость. Правильно сделал, что есть их не стал.

Что же мне делать в нынешней обстановке? Попытаться отсидеться здесь и дальше? А если немцы действительно меня видят? В таком случае скоро они будут тут. Этот вариант я тоже учитывал и был к нему готов. Отойдя к дальней стороне полуразвалившегося подвала, я присел на корточки и отодвинул кусок доски. Когда-то здесь был водосток. Кто-то очень хозяйственный выворотил из стены железную трубу и унес ее с собой. Видимо, нашел ей лучшее применение. Делал он свое дело весьма неаккуратно, и дырень в стене получилась неслабая. Выходила она прямо в водосточную канаву. Канавка эта густо поросла лопухом и позволяла незаметно уползти отсюда не то что мне одному, а хоть целому взводу диверсантов. Я прислушался. В канаве было тихо. Голос продолжал бубнить один и тот же текст. Как это у немца еще язык не отсох?

Убедившись в том, что пути к отступлению мне еще не перерезаны, я вернулся к отдушине и стал рассматривать через нее немецкие машины. Там не наблюдалось никакого движения. Говорящий сидел под накатами фундамента или в одной из автомашин. Минут через пять немец умолк. Видимо, счел свою задачу выполненной. Прошло еще минут пять. Динамики снова кашлянули.

– Подполковник Леонов! Вы не хотите пойти нам на встречу! В таком случае я снимаю с себя всякую ответственность за любой вред, который вы можете получить в результате своего упрямства. Вам придется встретиться с нашими «выпускниками». Да поможет вам Бог!

Немец умолк.

Значит, они не знают места, где я сейчас сижу. Иначе бы хоть как-то намекнули об этом. Ладно, будем подождать, как говорят в Одессе. У машин началось какое-то движение. Я увидел, как открылась дверь в кузове одного из грузовиков, и из нее начали выходить люди. Расстояние не позволяло мне рассмотреть их во всех подробностях, но одну особенность я заметил сразу: спускаясь на траву, человек останавливался и стоял, пока не получал приказа от стоявшего рядом немца. Только после этого он отходил в сторону и снова замирал. Не переминался с ноги на ногу, не пытался поправить обмундирование и не разговаривал с соседями. Было что-то неестественное в этих замерших фигурах. Видел я такие в современных боевиках. Там это были всевозможные роботы.

Здесьние солдаты на роботов похожи, конечно, не были, но скованностью движений здорово их напоминали.

Осторожно приподняв голову над краем отдушины, я считал своих предполагаемых противников. Одиннадцать человек. Не получая команды, они стояли совершенно неподвижно и никак не реагировали на окружающее. Откуда-то снизу, вероятно из не просматриваемого мною выхода из наблюдательного пункта, поднялись трое немцев. Двое в форме, камуфляж – скорее всего эсэсовцы. Чуть отстав от них на пару шагов, шел еще один. Этот был в штатском, невысокого роста. Эсэсовцы остановились, не доходя кучки «выпускников» метров десять. Штатский продолжал идти вперед и, подойдя к «выпускникам», остановился. Он по очереди подходил к каждому из них, брал его за руку и что-то говорил. Процедура эта занимала с каждым примерно полторы минуты. По взмаху руки одного из эсэсовцев от грузовиков подошли двое солдат. В руках и за плечами они несли разнообразное оружие: винтовки и автоматы. За спиной одного из солдат висел вещмешок. Проходя мимо «выпускников», первый солдат вручал им оружие, а второй что-то вытаскивал из вещмешка и отдавал каждому в руки. Надо полагать, патроны выдавал. Закончив эту процедуру, солдаты ушли назад к грузовикам. Ага, стало быть, у них там передвижной арсенал. Покопаться бы в этом грузовичке. Думаю, что это было бы не лишним. Вооруженные «выпускники» выстроились в шеренгу. Теперь они уже больше не напо-

минали роботов. В их движениях появилась какая-то хищная стремительность. Эсэсовцы ушли назад в бункер, на площадке остался только штатский. Была бы у меня сейчас снайперская винтовка, да пусть бы и обычная трехлинейка, там бы этот немец навсегда и упокоился. А стрелять из автомата на такую дальность означало лишь попусту подвергнуть себя ненужному риску. Шансы сбить немца отсюда были невелики. То есть попасть бы в него я, скорее всего, попал, а вот гарантированно уложить его наповал мне бы наверняка не удалось.

Штатский повернулся к «выпускникам» и что-то повелительно крикнул. От шеренги отделились шесть человек и двинулись по расходящимся направлениям в сторону села. Остальные пятеро остались на месте. Надо полагать, резерв. Штатский посмотрел вслед уходящим и спустился вниз. Как я понимаю, это и был небезызвестный профессор Маурер. Осторожно выскользнув из своего убежища в водосточную канаву, я прополз по ней в сторону ближайшего дома. Выждав момент, скользнул внутрь через пролом в стене. Прижавшись к стене, огляделся. Взгляд мой зацепился за коробку, прилепившуюся в стыке между стеной и потолком. Ага, вот и динамик. Не знай я того, что он должен быть в этом доме, так никогда бы и не нашел. Подойдя чуть ближе, я рассмотрел его. На его корпусе были нанесены разводы краски, так что издали он совершенно сливался со стеной. Надо же, а я и не заметил его сразу. А ведь проходил через эту ком-

нату. Теперь понятно, зачем немцы тянули такое количество проводов. Помимо динамиков они и еще что-то тут понатыкали. Знать бы что. Взгляд мой метнулся по сторонам, и я обратил внимание на одну из досок в полу. На вид она была такой же, как и все окружающие. Только вот в зазорах между ней и соседками почти не было сора. Зачем-то ее поднимали. Отыскав глазами вход в подпол, я скользнул туда. Так и есть: под этой доской был установлен элементарный замыкатель. Провод от него уходил куда-то в стену. Значит, немцы могут определить со своего НП, что в дом кто-то вошел. Ясненько, возьмем это на заметку. Жаль, конечно, что я этого раньше не засек. Да, привычка ходить всегда вдоль стен сослужила мне и в этот раз неплохую службу. Замыкатель был установлен точно по центру комнаты, так что, двигаясь вдоль стены, я имел шанс не вызвать его срабатывания. Подивившись немецкой хитрости, двинулся дальше. Проскочив вдоль улицы, добежал до первой облюбованной мною ранее точки. Зайдя в дом, поискал глазами нужную доску. И здесь немцы оказались верны себе. Таковая доска выделялась среди своих соседок. Выдернув кинжалом из стены гвоздь, я спустился в погреб и замкнул гвоздем замыкатель. Поднявшись наверх, пробрался в сени. Здесь еще вчера я заклинил между бревнами кусок доски. Был он справа от входа, почти под потолком, так что мне едва хватило места, чтобы там устроиться. Засев там, я почти перестал дышать. Затея моя сработала почти тут же. Хрипло кашлянули динами-

ки, и тот же голос сказал: «Квадрат пять».

Значит, немцы клюнули и направляют своих головорезов в данный домик. Интересно, все дома оборудованы сигнализацией или нет? Я склонен был думать, что не все. Оба дома, где я обнаружил замыкатели, сохранились относительно хорошо. В них были целы крыши, двери и частично окна. Если исходить из того, что немцы хотят контролировать те помещения, которые не просматриваются снаружи, то сигнализацию надо ставить именно в таких местах. Все прочие точки при желании можно просмотреть с улицы. А вот места, откуда можно стрелять незамеченным, желательно контролировать.

Осторожно повернувшись на доске, я прильнул глазами к щелке между бревнами. Еще вчера я выковырял оттуда всю паклю, и теперь через щелку можно было осматривать часть улицы. Прошло еще минут десять, и я увидел между домами какое-то движение. Еще несколько секунд... Вот он, гость. Рослый, крепкий мужик. Что неприятно меня озадачило, он был одет в форму бойца Красной армии. Это еще с какого перепугу? Поразмыслив, я пришел к выводу, что это сделано специально на тот случай, если кто-то из «выпускников» вдруг выйдет из-под контроля. В этом случае стоящим в охране немцам достаточно будет отдать приказ на уничтожение солдат противника. И никаких накладок в этом случае не будет.

Верзила тем временем быстро приближался ко входу в

дом. В руках он держал трехлинейку. Шел он хоть и быстро, но достаточно тихо. Укрытиями пренебрегал, пер напралом, как танк по Красной площади. Подойдя ближе к дому, он скрылся из моего поля зрения. Секунда-другая, и под его сапогами закрипели доски крыльца. Ни на мгновение не задерживаясь, он мощным ударом вынес входную дверь и шагнул внутрь. При этом его голова оказалась в опасной близости от моего сапога, чем я и не преминул воспользоваться. Хренак! Наверное, таким ударом можно было бы вышибить дух из бычка среднего размера. Вполне возможно. Но на данного бугая пинок подействовал не столь эффективно. Нет, с ног-то он упал и даже винтовку выпустил из рук. Но уже через мгновение он снова стоял на ногах, а в руке держал здоровенный ножик. Откуда он его вытащил, я даже заметить не успел. Ибо в этот момент летел вниз с доски. Я-то рассчитывал долбануть сапогом в голову лежащее на полу тело, а вместо этого со всей дури въехал правой ногой ему в плечо. Детина снова полетел вперед и еще раз долбанулся головой, на этот раз уже об стену. Что-то прошипев сквозь зубы, он снова вскочил на ноги. Решив на этот раз не испытывать судьбу, я оставил в покое затею бить его по тупой башке, а от всей души пырнул его кинжалом, который уже успел выхватить. Бил я его кинжалом всерьез, метился в печень, так что, по моим расчетам, загнуться он должен был сразу. Слава богу, у меня хватило ума после удара отскочить назад, и острое его клинка только пары сантиметров не достало до

меня. Дитина явно был жив и помирать пока не собирался. «Вот тебе и здрасьте! – подумал я. – Сейчас этот тип завопит, и сюда ввалятся его дружки!» В этом случае мне явно ничего не светило. Перехватить в руку пистолет или автомат я уже не успевал, кинжал оказался неэффективным, а своей физической статью дитина явно меня превосходил. Так что и дрыгоножество с рукомашеством могло тут быть малопродуктивным. Оскалив зубы, дитина прыгнул в мою сторону. Ну, чем-чем, а координацией движения тут и не пахло! Он просто пер напролом, снося все на своем пути. Так что и в этот раз его атака не удалась, он очередной раз долбанулся о стену. Повернулся назад, взмахнул рукой, восстанавливая равновесие... Ноги его внезапно подкосились, он пошатнулся. Выпавший из руки нож глухо ударился рукояткой об пол. Дитина оперся рукой о стену, попытался встать... Но ноги не держали его, и он кулем сполз вдоль стены. Все? Да, похоже, что все... Еще скребли пол его пальцы, но жизнь уже покидала сильное тело. Готов... Наклонившись над ним, я осмотрел рану. Нет, попал я точно, просто мужик оказался очень крепок на ранения. Уже почти мертвый, он нашел в себе силы атаковать меня. Это чем же таким его накачали? Выходит так, что вся эта «могучая кучка» такие вот упертые товарищи? Хреновато... Не радует меня такая перспектива. Ладно, лирику побоку, работать надо! Что тут у нас есть? Винтовка одна, нож немаленького размера, два десятка патронов – все. Небогато... Ничего, и хуже бывало. На улице

уже скрипел песок под чьими-то сапогами, когда я, закончив очередные приготовления, скользнул в соседнюю комнату.

Бух! Многострадальная дверь, второй раз ее за сегодняшний день так лупят... Бах! А вот под ноги смотреть надо... Я выглянул за стену. Выронив винтовку, в дверном проеме оседал на землю еще один «гость». В спешке я не сумел правильно закрепить импровизированный самострел из трехлинейки и бечевки, так что визитеру всего лишь разворотило плечо. Однако учитывая ту спешку, в которой я все это мастрячил, результат можно было признать вполне удовлетворительным. Поднатужившись, я приподнял тело первого визитера и, поставив его на ноги, вытолкнул из-за стены в дверь. Результат меня слегка обескуражил... Увидев появившуюся фигуру, второй гость молча выдернул откуда-то... не нож, как я рассчитывал, а ручную гранату. Блин! Уже выкачиваясь кубарем в окно, я услышал щелчок запала. Хрясь! И на мою голову посыпался всякий мусор... Стараясь двигаться скрытно, я обогнул дом. Второй «гость» уже умирал. Он что же – прямо себе под ноги гранату кинул? По всему выходило, что именно так он и сделал. Однако... Они что, совсем лишены инстинкта самосохранения? Над головой взвизгнули пули – по улице во весь рост пер еще один «выпускник». Видел он меня или просто стрелял на звук – бог весть, но пули прошли рядышком. Зацепив валявшуюся рядом трофейную винтовку второго «гостя», я укатился назад в траву. Вот и угол дома. Спрятавшись за угол, дождался окон-

чания стрельбы и выглянул назад. Стоя посередине улицы, «выпускник» менял магазин в автомате. ППШ. Хм, они тут что – все с трофейным оружием ходят? Чем бы их там ни пичкали, но вот против пули в голову это помогало незначительно. Выронив автомат, стрелок запрокинулся навзничь. На этот раз никаких предсмертных конвульсий не последовало. Жаль, что высовываться на улицу было стремно, а то бы я пошарил в карманах и у него. Исходя из того что эти ребята очень живучие, иметь в запасе такой аргумент, как ППШ с его семью десятками патронов в магазине и нехилым темпом стрельбы, было бы очень кстати. Но еще где-то рядом бродили не меньше трех таких же субчиков, и вылезать им на глаза не очень хотелось. Ладно, обойдемся пока и трофейной винтовкой. Тоже хороший аргумент.

Однако же оставшаяся троица что-то не спешила осчастливить меня своим появлением. Воспользовавшись этим, я пробрался в парочку домов по соседству и отыскал там замыкатели. Замкнул их и принялся ожидать реакции немцев. Теперь вся эта хитромудрая система работала против своих создателей. Я представил себе озадаченного немца, чешущего затылок перед пультом. Наверняка этот фокус они опробовали уже не единожды, и у них не было оснований сомневаться в его эффективности. Если верить показаниям замыкателей, то в трех домах сейчас находились люди. Визуально наблюдать они могли только одного убитого. А о местонахождении двух других – только догадываться. Поэтому у

них были все основания считать, что в двух домах сидят их солдаты, а в третьем нахожусь я. Теперь ход был за немцами, и я ждал, что же они предпримут на этот раз. Прошла пара минут, и громкоговорители проснулись.

– Горка.

Выждав еще пару минут, немец-оператор повторил это слово. Понятно. Значит, таким образом они созывают своих солдат назад. Отлично, запомним это на всякий случай. Осторожно высунув голову за край окна, я посмотрел в сторону НП. Одиноко сидящая пятерка «выпускников» оставалась пока на том же самом месте, что и вначале. Гуляющей по селу троицы я пока не видел. Но не сомневался, что скоро появятся и они. Так и есть. В проемах между строениями и развалинами замелькали быстрые фигурки. Однако!.. Ну и темп у них! Прямо как лоси прут! Через несколько минут они уже были наверху. Повторилась утренняя процедура. Штатский снова подходил к каждому солдату, клал ему руки на плечи и что-то говорил. А вот уже дальше началось что-то новенькое. Немцы отнюдь не были такими дураками, как я предполагал, и сделали свои выводы из странного поведения замыкателей. На холм не торопясь въехал еще один грузовик, из которого сноровисто выгрузилось четыре пулеметных расчета. Этими командовал уже один из эсэсовцев. Короткий инструктаж – и пулеметчики спустились вниз к селу. Смысл их действий стал мне ясен почти сразу же. Как я уже заметил ранее, все село было поделено на неправильные

четырёхугольники. Где-то линия раздела проходила по улицам, где-то – по борозде, оставленной упавшим самолетом, а где-то – и по линии разобранных домов. Разбежавшись по противоположным углам секторов, расчеты установили свои пулеметы так, чтобы каждый из них мог контролировать две стороны участка. Таким образом они сразу взяли под контроль левую часть села, исключив любое перемещение из одного четырёхугольника в другой. Дальнейшее было ясно как божий день. Сейчас во внешний сектор войдут «выпускники», прочешут его частым гребнем. Потом они пройдут в соседний четырёхугольник, а расчеты перетащат свои пулеметы на следующие перекрестки. И все. Такими темпами немцы пройдут все село уже к вечеру самым тщательным образом. Стоит открыть огонь хоть по кому-нибудь, как на меня мгновенно навалится вся эта гопа. Одни не дадут бегать, а вторые зажмут в темном углу и задавят массой. Я достаточно трезво оценивал свои физические возможности и понимал, что выдержать на равных рукопашный бой даже и с одним «выпускником» – дело в данном случае безнадежное.

Неровная шеренга «выпускников» вытянулась вдоль длинной стороны четырёхугольника. Какое-то время они стояли молча, ничего не предпринимая. Потом дружно вскинули оружие и двинулись вперед.

Радиограмма

Михайлову.

Визуально наблюдаю мероприятия противника в указанном ранее квадрате. Характер мероприятий пока неясен. Охрана объекта усилена. Отмечено прибытие легкового автомобиля под усиленной охраной.

Роман.

Роману.

Принять меры к проникновению в данный квадрат.

Михайлов.

Глава 4

– Что-то ваши подопечные сегодня не в форме, профессор. Уже прошло полдня, а результатов никаких. Более того, трое из них где-то бродят до сих пор и не вышли к сборному пункту для получения новых указаний. Уж не задавил ли их потихоньку этот русский? – говоривший оторвал глаза от наглазников стереотрубы и обернулся. Сидевший у другой стереотрубы штатский, не оборачиваясь, пожал плечами.

– В таком сложном деле накладки вполне допустимы. Вы сами, штандартенфюрер, настояли на такой формулировке приказа: пойти и уничтожить все живое внизу! А то, что они сами живые люди, вы забыли?

– А вы, профессор, куда смотрели? Они что же, и друг в друга стали бы стрелять? Так выстрелы, которые мы слышали, вполне могли быть направлены по своим? Можно же было предупредить меня и отдать приказ в иной форме?

– Операцией командуете вы! – язвительно проговорил штатский. – Моих рекомендаций вы слушать не захотели!

– И вам не жалко своих подопечных, профессор? Не думал я, что вы такой мелочный.

– Двумя больше, двумя меньше... Русские пока исправно поставляют нам рабочий материал.

– На который вы тратите народные деньги, герр профессор!

– Господа, давайте не будем ссориться! В конце концов, мы делаем одно дело, – в разговор вмешался третий собеседник. Отодвинувшись от своей стереотрубы, он обернулся к спорящим: – Какое указание, профессор, вы отдали своим подопечным на этот раз? В данном случае вам ведь никто не мешал?

– Я приказал им прочесать деревню и уничтожить любого человека, который попытается на них напасть. При этом они не должны стрелять друг в друга и не должны вступать в бой с нашими солдатами, если они не будут по ним стрелять. Это стандартная формула, которую я добавляю в приказ всегда.

– Почему бы просто не приказать им не стрелять по немецким солдатам?

– Увы, они, к сожалению не различают таких тонкостей. Для них враг любой, кто ведет по ним огонь. Это убрать невозможно.

– А если русский окажется хитрее, чем вы думаете, и не станет на них нападать? – первый собеседник все еще не мог скрыть своего раздражения.

– Я предусмотрел и это, – профессор негодуяще фыркнул. – Что же вы думаете, я не понимаю, с кем мы имеем дело?! Я предупредил их, что человек, которого они ищут, может попытаться спрятаться от них и будет избегать вооруженного противостояния. В этом случае они должны взять его живым, причем не обязательно целым.

– А он не может попросту сбежать?

– От них? Вы как себе это представляете? Даже не беря в расчет ваших пулеметчиков, у русского нет ни одного шанса. Он должен быть как минимум олимпийским чемпионом по бегу, чтобы суметь хотя бы оторваться от них на сотню метров. Вы что, забыли, что они делали здесь раньше в подобных ситуациях?

– Хм... Такое забудешь! Они могли бы быть менее кровавыми и пользоваться хотя бы оружием...

– Это приказ рейхсфюрера, – профессор пожал плечами. – Он считает, что страшная смерть одного парализует остальных. Да и потом, я отбирал для своих экспериментов представителей тех народов, которым подобная жестокость была присуща исторически. Я просто разбудил их память.

– А откуда такая жестокость в прибалтах? Они же мирные землепашцы?

– Это сейчас они мирные. А лет триста или больше назад они остервенело резались с нашими предками и отличались в этом деле завидной сноровкой и умением. Так что даже тот факт, что отобранные мною экземпляры не проявили в настоящее время особенной храбрости в бою и, как правило, сдавались в плен самостоятельно, а не под влиянием обстоятельств, не особенно меня волнует. Наследственная память никуда не исчезает. И ее можно разбудить при известных обстоятельствах. А что касается всех прочих, то я старался отбирать такие экземпляры, которые проявляли бы недюжинную храбрость в бою уже в наше время. Надо отдать долж-

ное вашим сотрудникам, штандартенфюрер, они хорошо набили руку в поисках таких пленных. Сочетание же наследственной памяти и вновь приобретенных, уже в наше время, в бою, навыков способно создать поистине страшную взрывную силу...

– Ну хоть и на этом спасибо, – фыркнул штандартенфюрер. – В кое-то веки услышал от вас доброе слово. Кстати, давно хотел спросить: чем вы руководствуетесь при отборе подопытных? С прибалтами вы мне пояснили, понятно. Они в прошлом были воинами, и это осталось у них в глубинной памяти. Но если исходить из этих соображений, то вам следовало бы выбирать русских – эти-то воевали намного больше! И куда как более жестоко. Не забывают, их все время подпирал Восток. А тамошние воины не отличаются мягкостью нравов и цивилизованным обхождением.

– Именно поэтому я использую и восточные народности тоже. Русские же плохо управляемы. Мне проще подготовить двоих солдат других национальностей, чем одного русского. Иметь с ними дело – все равно что спать в обнимку со взведенной гранатой. Неловкое движение – и рванет.

– Теперь понятно. Представляю тогда, что будет получаться у вас с немцами...

– Да... Это были бы достойные воины. Но, увы, технология пока не отработана до конца. Я не могу рисковать здоровьем чистокровных арийцев.

Я стоял за стеной дома и смотрел, как прямо на меня це-

леустремленно топает высокий светловолосый парень. В руках он крепко сжимал трехлинейку с примкнутым штыком. «Выпускники» уже прочесали первый сектор, и я смог составить представление о том, как они действуют. Одну важную вещь я понял очень хорошо: эти парни работают в одиночку. Соседа они видят, и не более того. То есть в случае опасности они, конечно же, сбегаются в кучу. Но только в этом случае. Пока опасности нет, «выпускники» не обращают друг на друга никакого внимания. В этом был шанс, и я должен был им воспользоваться.

Тем временем светловолосый подошел к развалинам, в которых я прятался. Как он входит в дом, я видел и мог просчитать его дальнейшие действия. Вот ноги его затопали по крыльцу, стукнула дверь, и он шагнул в то, что когда-то было комнатой. Теперь тут не было крыши и одной из стен, поэтому сигнализации здесь не ставили.

Хоп! И, как чертик из табакерки, я появился перед ним, выскочив из-за развалин печи. Ни на секунду не задумавшись, светловолосый вскинул к плечу винтовку. Моя правая рука легким касанием отвела в сторону ее ствол. А левой я подбил вверх рукоятку затвора. В следующую секунду светловолосый нажал на спуск. Как и следовало ожидать, ничего не произошло. Ну, еще бы. Трехлинейка с повернутым затвором не стреляет! На этом и опытные бойцы попадались. А, как я уже успел заметить, умственные способности «выпускников» были принесены в жертву их слишком

развитым физическим возможностями. Так и в этот раз. Убедившись, что винтовка не стреляет, противник немедленно разжал руки и потянулся правой к ножу. А вот это ты сделал напрасно! Штык-то на ней еще остался! Поэтому я, перехватив брошенное оружие, развернул штык в сторону бывшего хозяина, который и не преминул на него напороться. Как я и ожидал, свалить его с одного удара не вышло. Но прыть свою он существенно порастерял. Штыковой удар отбросил его в сторону входной двери. Он задержался на некоторое время, пытаясь снова встать на ноги, и прозевал второй удар, который я успел направить гораздо лучше первого. Он-то и оказался для него фатальным. Светловолосый снова рухнул на пол, с которого я уже не дал ему подняться. Подергавшись несколько секунд, он затих. В быстром темпе я сунул под развалины печки свой вещмешок и автомат. Гимнастерки у нас с ним были одинаковые, только пилотки у меня не было. Поэтому я самым бессовестным образом ограбил поверженного врага. Натянув пилотку почти на уши, вытер штык о штаны светловолосого, запихал его труп под отставшие доски пола и, по мере сил подражая его походке, принялся догонять ушедших вперед соседей.

Всю деревню мы прошли за пару часов. Результатом этих поисков было всего лишь обнаружение трех холодных тел из числа первой группы. На время их эвакуации, которую производили немецкие солдаты, наша цепь стояла на месте. Начали мы движение только после того, как немцы, вытас-

кивавшие покойников, вышли из села. Мы прошли его насквозь и остановились на окраине. Постояв пяток минут, по команде немца, который все это время шел за нашей спиной, развернулись и потопали в обратном направлении. На этот раз поиски были более тщательными, и времени на это ушло гораздо больше. Поэтому к их окончанию солнце было уже достаточно низко. Снова прозвучала команда (однако же неплохо знает русский язык этот фриц!), и наша цепочка снова остановилась.

Пока мы ходили туда-сюда, у меня было время присмотреться к своим соседям. Парочка-тройка из тех, кого я успел рассмотреть, однозначно были откуда-то из прибалтийских краев. Характерная внешность, слова, которые иногда удавалось расслышать, – все это делало данное предположение вполне обоснованным. Кстати, и тот, чье место занял я в цепочке, тоже был явно оттуда. Ближе к центру цепочки шли двое, чью национальную принадлежность я определить так и не смог. Явно люди восточные, только кто? А не один ли хрен? Чай мне с ними не пить, так что пускай себе ходят. Пока... А ходить они умели! Мне приходилось прикладывать недюжинные старания, чтобы не выделяться из общей массы. Перла она, как правило, напролом, дороги не выбирая. Силища у них явно была немереная, каких-то мелких препятствий они не замечали вообще. Интересно, надолго ли их хватит, при таком-то расходе сил? Понятно, что все эти ребята лоси здоровенные, но ведь как-то отдыхать должны бы-

ли и такие здоровяки? И чем их кормят? Жрать они должны были и вовсе прорву всякой еды. Мы уже несколько часов по селу шаримся, а кормежки что-то и не видать пока. Впрочем, ответ на этот вопрос я вскоре получил. Сверху, от НП, спустился немец с вещмешком и принялся обходить строй, раздавая моим соседям какие-то банки. Так, вот это уже плохо. Фриц этот, наверное, не первый раз этим занимается и своих подопечных знать должен. Так что мою скороспелую подмену просечет на раз. Что делать? Краем глаза я заметил, что один из «восточных» моих соседей сел на землю и начал перематывать портянку. Проходя мимо него, немец, ни на секунду не задерживаясь, бросил банки в его сторону. Прекратив свое занятие, «выпускник» прямо-таки прыгнул за банками. Ага! Это мысль! И дождавшись, пока до фрица осталось порядка двадцати шагов, я тоже присел на землю и, низко наклонив голову, так что лица не было видно вовсе, занялся перематыванием портянок. Винтовку я положил рядом, а вот пистолет оставил в кармане, повернувшись так, чтобы особенно им не отвечивать. Однако я даже переоценил немецкую аккуратность и трудолюбие. В цепочке я был последним, и немец не стал себя утруждать. Он точно так же, как и раньше, бросил банки в мою сторону и развернулся назад. Хм, а ведь фрицы, похоже, и сами опасаются своих подопечных. Что, уже были случаи? Вполне вероятно, а почему бы и нет? Так, а чем они их кормят? Улучив момент, я подобрал обе консервные банки. И что тут есть? Две консерв-

ные банки, на вид совершенно обычные. Маркировка... Где-то я уже похожее видел... Стоп-стоп-стоп! А не такими ли консервами угостил меня разлюбезный гауптштурмфюрер? Очень может быть, что и такими же. Тогда становился ясным смысл утреннего обращения ко мне. Наверняка они пичкают своих подопечных какой-то дрянью, может быть даже и с наркотой. Так что нажрись я этой гадости, то пришел бы сюда в таком сумеречном состоянии рассудка, что вылез бы прямо под громкоговорители немцев. И стоял бы там, как последний баран. Так что надо эти баночки занывать. Глядишь, на большой земле они кому пользу сослужат. Может быть, есть какой-то шанс вернуть этим бедолагам собственные мозги? Хотя... Я покосился на своих соседей. Похоже, что этим уже ничего не вернуть.

Ладно, теперь надо думать, как дальше воевать. В третий раз на прочесывание нас уже не погонят. Аккурат к концу данной операции совсем уже темно станет. Так что есть шанс и по своим пальнуть в такой суматохе. Точно, вон немецкие пулеметчики сворачиваются и уходят наверх. Интересно, они подопечных своих оставят тут одних, чтобы они ночью здесь колобродили? Или тоже будут наверх поднимать? И в том, и в другом случае инициатива пока остается за нами. Мой утренний выигрыш уже не дает мне никакого перевеса. Тем временем немецкие пулеметчики уже прошли большую часть расстояния до НП. Ну что ж, пора внести некоторые коррективы в вашу трудную деятельность. Наверяд

ли немцы меняют команды управления своими подопечными каждый раз. Попробуем кое-что...

Поднявшись с места, я подошел поближе к своим соседям. Безучастные ко всему, они сидели кто где, видимо перемалывая пищу. Или они таким образом кайф ловят от наркотики? Поравнявшись с ними, я присел, чтобы не выделяться из общей массы, огляделся по сторонам. Так, на меня вроде никто внимания не обратил. Рискнем? Набрав воздуха в легкие, я изо всех сил гаркнул: «Горка!» Именно этой командой они утром отзывали назад остатки первой партии. У меня были все основания полагать, что у немцев были дела поважнее, чем менять команды на ходу.

Я угадал правильно. Соседи мои встрепнулись, поднялись и направились вслед за пулеметчиками. Командовавший нами немец, который до этого спокойно сидел в сторонке и курил, вскочил на ноги. Открыл рот, собираясь что-то скомандовать. Поздно, родной! Нас и до этого разделяло не такое уж большое расстояние, а тут я еще и поближе подошел вместе со всеми. Брошенный кинжал уложил немца на месте. Он осел на песок, вдыхая воздух широко открытым ртом. Подскочив к нему, я расстегнул его ремень вместе с пистолетной кобурой и надел на себя. Вся эта операция заняла не более десяти секунд и прошла без особенного шума, так что ушедшие вперед соседи ничего заметить не успели. Отлично, теперь продолжение «Мерлезонского балета». Вскинув винтовку, я взял на прицел одного из пулеметчиков.

Бах! Повезло – попал удачно, а ведь уже видимость не очень-то хорошая... Немца отбросило вперед, и он упал к ногам своего напарника. Тот, ни секунды не размышляя, обернулся назад и врезал очередь в направлении стрелявшего. То есть в направлении толпы «выпускников». Надо отдать ему должное – попал он хорошо. Видать, действительно хороший пулеметчик был. Очередь скосила одного и слегка зацепила еще двоих человек.

Да... Затеявая свою провокацию, я рассчитывал внести некоторый бардак в хорошо отлаженный немецкий механизм, но такого результата, признаться, не ожидал. Получив наконец реального противника, да еще и понеся при этом ощутимые потери, «выпускники» развернулись, как хорошо смазанная пружина. Стрелял по ним один немец, но навряд ли они будут разбирать, этот – не этот. Для них, как я полагал, все немцы на одно лицо. Даже если они просто по рылу ему насовали бы – и то под шумок можно было бы дел натворить! Действительность, однако, превзошла все мои ожидания. Вразнобой треснуло несколько выстрелов, и пулеметные расчеты словно метлой смело. «Выпускники» рванулись вверх, причем взлетели на холм в мгновение ока. Там снова загрохотали выстрелы, бухнула граната. Видать, свалка завязалась нешуточная. Что делать? Бежать следом за ними и под шумок постараться удрать из оцепленной зоны? Вернуться за своими запасами? Могу и не успеть. Что там у меня лежит? Вещмешок, немного еды и немецкие подарки? Автомат

еще есть. Ну, да этого добра я и наверху найду сколько душе угодно. А время потерять вполне могу. Надолго там этих «выпускников» хватит? Минут за десять их всех и передадут, наверное. Ладно, побегу наверх. Подобрал свой кинжал, я вытер его об китель убитого немца и сунул в ножны. Еще один нож мне достался в наследство от светловолосого. Будет чем помахаться в драке. Добежав до подстреленных пулеметчиков, я закинул винтовку за спину и подхватил с земли еще теплый «МГ». Ленту немец успел расстрелять меньше чем наполовину. Поэтому я еще немного задержался около убитого второго номера и подхватил из его рук две коробки с лентами. Связав их снятым с немца поясным ремнем, перекинул через другое плечо. Ну вот, полная иллюстрация к картинке «вьючный осел». Тяжело нагруженный, я попер вверх по направлению к НП. Наверху царили хаос и запустение. Два грузовика были серьезно покорежены пулями, один из них дымился. На площадке в разных местах валялись трупы убитых немцев. Ни одного «выпускника» я не увидел. Ни хрена себе! Эти ребята умеют бегать! Большинство немцев даже не успели достать оружие – не ожидали? Кстати, а кто у нас там в НП? Может, настало время познакомиться поближе? Дверь в НП была приоткрыта. Странно... Они что же, совсем дураки? Или уже смотаться успели? Последнее предположение оказалось самым правильным. Видимо, эти немцы лучше других понимали, к чему приведет выход из-под контроля своих подопечных, поэтому смотались сразу же,

как только началась эта заваруха. Она, кстати, и до сих пор не закончилась. Выстрелы раздавались со всех сторон. Кто в кого стреляет, предположить было нетрудно. То ли «выпускники» еще воюют с немцами, то ли между собой – бог весть. Выяснять меня не тянуло. Сбежавшие немцы оставили мне неплохой подарок: почти полный солдатский ранец, набитый всевозможной едой. Уж такой царский гостинец я просто не имел права зевнуть. Без сожаления избавившись от винтовки, я надел на спину вместо нее трофейный ранец, запихал туда одну из пулеметных лент и выбросил пустую коробку. Перезарядил пулемет, после чего выбросил и вторую коробку тоже. Вытащенную из пулемета ленту, патронов на пятьдесят, повесил себе на шею. Было у меня предчувствие, что долго таскать я ее не буду. Взяв пулемет на изготовку, я выскочил на улицу.

Так, с транспортом мне не повезло: жадные немцы угнали единственную легковушку, а грузовики к передвижению были решительно непригодны. Кстати... Подбежав к ним, я быстро их осмотрел. Повезло, «арсенальный» грузовик оказался относительно целым. Правда, двигаться он не мог по причине разбитого движка, зато кузов был цел. Снеся выстрелом замок, я в темпе проинспектировал содержимое. Несколько винтовок и автоматов – советские. Небольшой запас патронов и пол-ящика ручных гранат, все разные. Из всего этого добра мне пригодились только гранаты, все остальное я унести не мог. Присобачив одну из гранат в качестве

подарка к двери кузова, я двинулся в ту сторону, где выстрелы были самыми редкими. Одно из двух: или там все уже взаимоистребились, или там изначально было народу меньше.

Пройдя около двухсот метров, я услышал подвывание двигателя. По дороге что-то ехало. Вбежав на пригорок, я увидел метрах в пятидесяти от себя тентованный грузовик, медленно поднимающийся вверх. Надо полагать, подкрепление прибыло? Нет, ребятки, туда вам пока не надобно. Тут посидите, здесь тоже есть чем заняться. Упав на землю, я установил пулемет на сошки и, хорошенько прицелившись, лупанул по кабине. Стекла так и брызнули! Перенеся огонь на кузов, я дважды перечеркнул его очередью от кабины до заднего борта и обратно. В кузове заорали сразу несколько голосов, и из него посыпались недобитые фрицы. Отстреляв по ним остатки ленты, я укатился в кусты. Отмотав в быстром темпе метров сто, я присел и перезарядил пулемет. Такими темпами у меня скоро и патронов не останется. У грузовика тем временем всю шла перестрелка. Интересно, с кем они там воюют? Выяснить это у меня не было ни времени, ни желания, и, мысленно пожелав немцам удачи, я побежал дальше.

Глава 5

Радиограмма

Михайлову.

Докладываю вам, что на указанном объекте до сих пор продолжается бой. Кто и с кем воюет, установить не представилось возможным. Все охранные подразделения противника на данном участке оставили свои позиции и в спешном порядке выдвигаются к месту боестолкновения. Организованной нами засадой на пути от объекта перехвачен легковой автомобиль. Он сопровождался мотоциклистами охраны. Ввиду сильного сопротивления противника взять живыми никого из пассажиров не представилось возможным. По имеющимся документам удалось установить, что среди пассажиров автомобиля находились штандартенфюрер Рашке и профессор Маурер. Имевшиеся при них документы и вещи нами захвачены. Прошу выслать самолет для эвакуации захваченного имущества. Местонахождение основного объекта поиска до настоящего времени не установлено. Сведениями о нем не располагаю.

Роман.

Роману.

Эвакуация трофеев будет произведена по второму варианту. Поиски основного объекта продолжать.

Михайлов.

Выдержка из рапорта майора Гальченко В.Н.

...После получения приказа на выдвижение в район объекта мы покинули место временной стоянки, оставив там ненужное на данном этапе оборудование и снаряжение, и выдвинулись в район села Скворцовка. Поскольку проникнуть в само село не представлялось возможным, я принял решение устроить засаду на дороге, ведущей к селу. При этом руководствовался следующими соображениями:

1. Повышенное внимание немцев к предотвращению возможного прорыва изнутри Скворцовки давало все основания предполагать, что в самом селе находится кто-то, чьего прорыва немцы стараются не допустить. Таковым человеком вполне мог являться основной объект задания. Один или с попутчиками. Версия о попутчиках подтверждалась тем, что количество солдат, задействованных в оцеплении, было явно рассчитано на предотвращение группового прорыва.

2. Поскольку имеющимися силами осуществить деблокирование села не представлялось возможным, а скрытое проникновение такой группы людей также было весьма затруднено и могло привести к срыву задания, мной было принято решение перехватить автотранспорт, на котором из Скворцовки мог следовать как захваченный в плен Леонов, так и кто-

либо из командования противника. Во втором случае от пленных можно было получить информацию о возможном местонахождении объекта поиска.

Установив на дороге два управляемых по проводам фугаса, мы проложили линию для их подрыва в лесной массив. В этом месте дорога делала петлю, огибая заболоченный участок. Вследствие этого отрезок дороги длиной около километра проходил вне поля зрения постов охраны. Именно там я и принял решение устроить засаду. В 19.08 со стороны Скворцовки послышалась интенсивная стрельба и взрывы гранат. В 19.23 послышался шум моторов, и на дороге появился легковой автомобиль в сопровождении мотоцикла с пулеметом. Исходя из того что взрывами фугасов могли быть поражены лица, находящиеся в автомобиле, я не дал команды на подрыв. Как только автотранспорт оказался в зоне эффективного огня, я дал команду к нападению. Водитель автомашины был поражен снайпером, и, потеряв управление, машина съехала в кювет. Пулеметным огнем был убит водитель мотоцикла. Оставшийся в живых пулеметчик успел покинуть коляску и открыл беспорядочный пулеметный огонь в сторону засады. Под прикрытием пулеметного огня пассажиры автомашины, отстреливаясь, попытались скрыться в лесу. Поскольку такая вероятность была достаточно высока, была отдана команда вести огонь на поражение. В результате чего трое были убиты на месте, а один, оказавшийся впоследствии

штандартенфюрером Рашке, был тяжело ранен и, не приходя в сознание, скончался. Увидев это, пулеметчик попытался скрыться в лесном массиве, но был ранен, обезоружен и взят в плен. Осмотром автомашины и тел погибших было выявлено большое количество служебной документации с различными грифами секретности, описания экспериментов и научные заметки профессора Маурера. Сам профессор также был обнаружен среди убитых пассажиров автомобиля. Допрошенный пулеметчик, ефрейтор Майниге, показал, что во время проведения эксперимента в селе Скворцовка часть испытуемых по непонятной причине вышла из-под контроля и открыла огонь по солдатам охраны. Ввиду явной угрозы для высокопоставленных лиц, которыми являлись указанные выше профессор и штандартенфюрер, руководителем эксперимента, гауптштурмфюрером Горном, был отдан приказ об их немедленной эвакуации. Сам гауптштурмфюрер принял на себя руководство ликвидацией вышедших из-под контроля испытуемых. Поэтому он остался в селе Скворцовка и не поехал в данной автомашине. Никакими сведениями об основном объекте поиска пленный не располагал, однако пояснил, что в обычных случаях при проведении экспериментов на полигон «Скворцовка» доставлялись из лагеря несколько десятков пленных бойцов Красной армии, которые поочередно выпускались на полигон. Этого не было сделано в данном случае. Со слов руководителей операции, тот человек или группа

лиц, которые должны были выполнять роль жертвы в данном случае, уже находились на полигоне к моменту начала эксперимента. Кто и каким образом доставил их туда, пленный не знал. Раненый ефрейтор к самостоятельному передвижению был непригоден, поэтому было принято решение о его ликвидации. Заминировав пути отхода, группа покинула место боестолкновения. Уходя в лесной массив, мы в течение длительного времени слышали за спиной звуки перестрелки и разрывы гранат.

Гауптштурмфюрер Горн сидел за столом и невидящим взглядом смотрел в лежащие перед ним бумаги. Думать не хотелось, мысли в голову не шли... Из этого состояния его вывел только громкий телефонный звонок.

– Да? – сказал он в поднятую трубку. – В чем дело?

– Герр гауптштурмфюрер, это дежурный. Только что приземлился самолет из Берлина, вы приказывали об этом доложить...

– Да! И кто там?

– Советник Вернер и с ним еще несколько человек.

– Да, так и должно быть. Проводите их ко мне.

Горн встал, прошелся по кабинету и попытался собраться с мыслями. То, что предстоящий разговор не влек за собой никаких положительных результатов, было ясно. Выводы последуют, только какие? Чего ждать от этого... Вернера? Что это за птица и кто вообще такой?

В дверь кабинета постучали.

– Войдите!

На пороге появился невысокий, чуть полноватый мужчина в штатском. Круглые очки на таком же кругловатом лице делали его похожим на школьного учителя. Костюм от хорошего портного сидел чуть-чуть нескладно. Отстав на полшага, позади него шла рыжая девица в форме СС.

– Вы разрешите нам присесть? – поднял вопросительно брови вошедший.

– Разумеется, господин советник. Пожалуйста! – Горн встал из-за стола и указал рукой на стоящие у стены столик и несколько кресел. – Или вам удобнее расположиться за этим столом?

– Ну, с вашего позволения, мы попросим там присесть фройляйн Магду. Вы уж извините меня, гауптштурмфюрер, но я, старая кабинетная крыса, стал что-то забывчив последнее время... Что-то скажу, а потом вот пытаюсь вспомнить, о чем же я говорил? И кому? Вот и теряются мысли... Так что фройляйн обычно фиксирует все, о чем я разговариваю. И с кем.

– Разумеется, герр советник! Чувствуйте себя как дома!

«Рыжая Магда»... Что-то знакомое было в этом словосочетании... Где-то Горн уже о ней слышал... Он присел за столик, расположившись напротив Вернера.

– Итак, гауптштурмфюрер, для начала покончим с формальностями. Вы не возражаете?

– Ради бога, герр советник! Вы можете тут распоряжаться как вам будет угодно!

– Даже так? Спасибо, учту... Вот, ознакомьтесь – приказ рейхсфюрера о проведении служебного расследования. Ваш покорный слуга назначен ответственным за это мероприятие.

Горн внимательно прочитал переданную ему бумагу. Все было правильно.

– Слушаю вас, герр советник. Готов отвечать на все ваши вопросы.

– Похвально. Рапорт ваш я прочел еще в самолете. В целом понятно, но некоторые вопросы у меня все же остались. Вы позволите?

– Да-да, разумеется!

– Итак, первый вопрос. Фройляйн, вы готовы?

– Да.

– Приступим. Каким образом и на основании чего был отобран материал для проведения последнего эксперимента?

– Этим занимался лично профессор...

– Нет, гауптштурмфюрер, меня интересует другая сторона вопроса. С испытуемыми пока все ясно. Интересует другое. Кто и каким образом попал на территорию закрытого объекта? Что это за люди? Сколько их было и откуда они взялись?

– Э-э-э... по нашим предположениям, это члены развед-

группы противника. Специально направлявшиеся в данный район для проведения разведки.

– Вот как? Вы, разумеется, немедленно доложили об этом по команде?

– Да. Я докладывал штандартенфюреру.

– Странно, но я прочитал только показания бедняги Кройцера. Он ничего не пишет о разведгруппе...

– К этому выводу пришел сам штандартенфюрер. Это было во время моего личного доклада ему. Я как раз был в Берлине и...

– Ах, вот как? И штандартенфюрер, разумеется, принял меры?

– Да, он распорядился оцепить лес и организовать прочесывание местности.

– Да? Странно, но, видимо, на местах неправильно истолковали его приказ. Лес оцепили, но вот прочесывание почему-то не произвели. Почему?

– Ну... мы пришли к выводу, что целесообразнее будет загнать разведгруппу прямо на полигон и подставить ее под удар испытуемых. Таким образом мы смогли бы провести испытание на хорошо подготовленном материале.

– Вот даже как? Интересная мысль! Это, разумеется, было согласовано с руководством?

– Да. Я доложил об этом штандартенфюреру.

– Каким образом?

– Дал условный сигнал. В разговоре с ним, ранее, мы об-

судили различные варианты развития дела. Тогда же были оговорены различные сигналы о том или ином развитии ситуации.

– Ага. Значит, условный сигнал... В материалах дела есть упоминание о вашем выезде в квадрат двадцать шесть. Зачем?

– Рашке приказал мне найти способ переговорить с руководителем русской разведгруппы.

– Для чего?

– Чтобы по возможности выяснить, с кем мы имеем дело, и предъявить им ультиматум.

– Какой?

– Или они следуют в район полигона, или будут уничтожены.

– И они согласились?

– Да.

– Вы не побоялись встретиться с ними лицом к лицу? В одиночку? Да вам «Железный крест» за храбрость впору давать!

– Вы преувеличиваете мои заслуги, герр советник. Я просто исполнял приказ руководства.

– Все бы его так исполняли... И с кем же мы имели дело?

– Разведгруппа подразделения «А» Первого Главного Управления НКГБ СССР. Руководитель – подполковник Леонов Александр Петрович.

– Очень интересно! Фройляйн, вы все записываете?

Рыжая девица кивнула головой.

– Продолжим. Сколько их было?

– По моим прикидкам – около десяти человек. Но лично я видел только Леонова.

– А все остальные? Где были они?

– Надо полагать, прятались в лесу.

– Да? Наверное, они очень хорошо прятались. Ибо если исходить из анализа переданных вашими поисковыми группами радиogramм, они шли по следам одного человека.

– Э-э-э... ну они могли идти и параллельными маршрутами...

– Которых почему-то не обнаружили.

– ...

– Да-да, я понимаю. Опять некомпетентность исполнителей на местах... Странно, ведь подразделение лейтенанта Хофмайера состоит из опытных разведчиков-следопытов. Да, видимо, длительное сидение в тылу расхолаживает настолько, что я и представить не могу даже. Фронт – вот самое действенное средство от лени! Вы не находите?

Горн судорожно кивнул головой.

Вернер встал из кресла и сделал успокаивающий жест вскочившему было гауптштурмфюреру.

– Сидите-сидите! Мне легче на ходу думать. Старческие привычки, вы уж меня извините... Да... О чем это я? А! Как давно, по вашим прикидкам, эти русские были в данном районе?

– Совсем недавно, может быть день или два. Или три.

– И уже успели украсть консервы из спецпайка для испытуемых? Да уже только после этого они могли с чистой совестью уходить обратно и прокалывать дырочки для орденов! Я бы на их месте так и поступил. А вы?

– Э-э-э, но это нереально! На объект невозможно попасть посторонним!

– Угу. То есть либо Хофмайер ошибся, либо вообще подбросил пустые банки от спецпайка – и тогда его надо судить. Либо кто-то еще вынес их за пределы объекта и передал русским. Тогда судить надо уже его...

– Ну... у штандартенфюрера могли быть и свои соображения... В конце концов, препарат подавляет волю и...

– Человеком можно управлять. Вы это имели в виду?

– Да...

– Но, исходя из заявленной вами численности группы противника, на это потребовалось бы значительно большее количество спецпайков. А между тем ревизия установила отсутствие только шести банок. Чем вы это можете объяснить?

– ...

– Не можете... И потом, штандартенфюрер что, не доверял вам?

– Почему это?! Доверял.

– И вы ничего не знаете об изъятии со склада части спецпайка?

– Ну... у него могли быть доверенные люди и помимо ме-

ня.

– Да, действительно, как же я мог это упустить? Они просто обязаны были быть! Но в этом случае эксперимент уже нельзя считать «чистым», не так ли?

– Но ведь русских было больше, чем шесть человек! На всех препарат подействовать ведь не мог? Разве что они ели все из одной банки – у русских это возможно.

– Что-то все равно не стыкуется, вы не находите? Кстати, кто отвечает за режим сохранности препарата?

– Я. И мой заместитель, штурмфюрер Краух.

– Я могу с ним побеседовать?

– Увы, – развел руками Горн, – он погиб.

– Какая жалость! Значит, он и был доверенным лицом штандартенфюрера?

– Возможно, что и не он один.

– Угу. Вы не возражаете, если мы сделаем небольшой перерыв? У вас есть кофе?

– Да, герр советник, я распоряжусь.

Пока все трое пили принесенный кофе, Горн лихорадочно размышлял. Ревизия, они провели ревизию! Но как? И когда? Кто и каким образом это сделал? На базе есть агентура четвертого управления? Выходит так, что есть. Но кто? И что они уже успели сообщить наверх? Он давит на меня, но пока все удастся спихнуть на Рашке. Почему Вернер сделал перерыв? Он ведь уже почти «дожал» меня! Горн покосился на советника, который о чем-то вполголоса переговаривал-

ся со стенографисткой. Где же я про нее слышал? Ведь точно, слышал уже! «Рыжая Магда»... Черт, вертится на языке, но не помню... Да и советник этот, что-то не помню такого у Мюллера. Хотя... он, может быть, и не из центрального аппарата. Странно, почему? Вызвать провинциала для решения такого случая? Нелогично. Это совсем не похоже на Мюллера, он специалист грамотный, да и ребята у него... б-р-р-р! Лучше и не думать.

– У вас хороший кофе, Горн! Где берете?

– Это подарок армейцев, герр советник. Нам с ними приходится часто встречаться, иногда мы делаем друг другу небольшие презенты. Я распоряджусь, чтобы вам приготовили пару банок.

– Буду весьма признателен! При случае передайте мою благодарность гауптману Ранке, это ведь его подарок, не так ли?

– Э-э-э, конечно передам, герр советник.

– Очень исполнительный офицер, вы не находите?

– Не буду спорить.

– И очень волнуется за честь своего подразделения... Сейчас такое не часто встретишь, увы, – Вернер развел руками, – не то что раньше, совсем не то...

Допив кофе, советник поставил чашку на поднос.

– Ну что, гауптштурмфюрер, продолжим наше нудное, но необходимое занятие?

– Разумеется, я к вашим услугам!

– Итак, опустим пока вопрос о спецпайках. С этим и позже можно разобраться.

– Разумеется, как вам будет угодно.

– Расскажите мне о ходе эксперимента.

– Что-то пошло не так с самого начала. Испытуемые впервые не сумели обнаружить противника, хотя, согласно показаниям аппаратуры, они были на полигоне. Мы зафиксировали как минимум троих.

– Так. И что дальше?

– Дальше... Тут лучше пояснил бы профессор, но...

– Да, нам его сейчас особенно не хватает. Однако же вы-то здесь?

– Испытуемые, как я думаю, столкнулись друг с другом и вступили в схватку.

– Почему? Разве они могут воевать друг с другом?

– Хоть с самим сатаной, герр советник! Как прикажут, так и будут.

– И что им приказали на этот раз? Искать сатану?

– Нет. Штандартенфюрер приказал им идти вниз и уничтожить там все живое.

– Рашке? А не профессор?

– Извините. Конечно, приказывал им именно профессор, но вот ему приказ отдал уже сам штандартенфюрер. И именно в этой форме.

– Как жаль, что журнал проведения эксперимента не уцелел!

Да уж, подумал Горн, хорошо, что еще до приезда следователей и дознавателей я успел его увезти и спрятать.

– Увы, герр советник, если бы я мог предполагать...

– Мог? Вы были обязаны это сделать! Насколько я помню ваш же приказ, все записи должны быть сдублированы сюда. Прямо в ходе эксперимента, по телефону. Или я что-то путаю?

– Нет. Все так и есть. И так всегда делалось раньше.

– А в этот раз?

– Штандартенфюрер распорядился этого не делать.

– Рашке?

– Да, герр советник.

– Но ведь приказ подписан самим рейхсфюрером?

– Увы, герр советник, я лицо подчиненное...

– Да? Мне казалось, что у вас, как у начальника объекта особой важности, должно быть право непосредственного доклада рейхсфюреру?

– Только в экстренных случаях.

– А это – не экстренный случай?

– Не настолько. Представляете, герр советник, что будет, если каждый начнет беспокоить его по такому поводу?

– Откровенно говоря, с трудом. Ибо пока таковых случаев было немного... Ну да ладно, на чем мы остановились? Фройляйн?

– На фактическом провале начала эксперимента, – рыжая стерва невозмутимо смотрела в свои записи. – Нарушение

порядка проведения эксперимента, изменение формы приказа, преступная халатность исполнителей, не обнаруживших места укрытия противника...

– Достаточно. Благодарю вас, Магда. Вы, как всегда, точны. Это очень ценное качество. Не правда ли, гауптштурмфюрер?

Горн облизал пересохшие губы.

– Да, это очень полезное качество, герр советник.

Магда Крюгер – психоаналитик четвертого управления РСХА – вот она кто! Горн поежился. Если это так, то советник – это «очкастый Верни» из того же управления. Эта почти легендарная парочка всегда работает вместе. И по самым важным делам, только под личным контролем Гиммлера. Значит, делу придан высший приоритет. Плохо...

– Вы меня не слушаете, гауптштурмфюрер?

– Простите, герр советник, отвлекся. Бессонная ночь, сами понимаете...

– Сочувствую. Итак, каким образом были убиты первые испытуемые?

– Один был зарезан ножом, второй подорвал себя гранатой...

– Сам?

– Что?

– Он себя сам подорвал?

– Да. Из всех троих гранату имел только он. Непосредственно перед этим он застрелил из своей винтовки треть-

го испытуемого. Остальные в бою не участвовали и вернулись по приказу на сборный пункт. Их боеприпасы остались неизрасходованными, а из оружия никто не стрелял.

– Это точно?

– Да. У них у всех маркированные боеприпасы. Пули помечены.

– Зачем?

– Для оценки эффективности их работы.

– Так. Продолжайте.

– После этого мы организовали тщательное прочесывание местности силами испытуемых и солдат охраны.

– И?

– Ничего. В селе никого не было. Сигнализация оказалась испорчена. Кто-то замкнул датчики.

– Как это могло произойти? Это мог сделать кто-либо из испытуемых?

– Нет. Они ничего не делают без приказа.

– Продолжайте.

– Дело шло к вечеру, и было очевидно, что эксперимент необходимо будет продолжить на следующий день. Штандартенфюрер приказал поднять наверх испытуемых и вместе с профессором отбыл на базу. Я остался на месте руководить завершением эксперимента.

Во время подъема наверх один из испытуемых выстрелом из винтовки убил нашего солдата. Одного из членов пулеметного расчета. Его напарник открыл ответный огонь и за-

стрелил одного из испытуемых. Их голова устроена так, что тот, кто на них нападает, – враг. После этого все и произошло...

– Что именно?

– Испытуемые открыли огонь и атаковали наших солдат. Их натиск был неожиданным, я остался один и вынужден был отступить к ближайшему посту охраны.

– Хм... Насколько я знаю, существует возможность их остановить.

– Да. Перед началом эксперимента всегда указывается, кому именно должны беспрекословно подчиняться испытуемые. Таких людей всегда назначается двое.

– И испытуемые выполняют любой приказ такого человека?

– Да. Любой.

– Почему этого не произошло на этот раз?

– Профессор отбыл вместе с Рашке, а унтерштурмфюрер Рахов, который находился рядом с испытуемыми, был ими убит в самом начале схватки.

– И больше никто не мог их остановить?

– Нет. Они просто никого больше не послушали бы. После начала боя они... Как бы это лучше сказать... В общем, они больше ничего не воспринимают. Только один из двоих, назначенных ими управлять, человек может что-то изменить. Таких людей больше на месте не было.

– Кто же тогда напал на машину штандартенфюрера?

– Я полагаю, это была та самая разведгруппа. Они как-

то сумели обмануть бдительность охраны и выйти за оцепление.

— Или вовсе туда не входили... Что сделали вы лично?

— Перегруппировал солдат охраны, снял дальние посты и направил их на поиск и уничтожение противника.

— И что же?

— Мы еще ведем преследование. Получены обнадеживающие результаты...

— Понятно. У вас все?

— Да...

— Тогда, позвольте, я подведу итоги.

— ...

— Степень виновности или невиновности штандартенфюрера и профессора будет определена позже. Что же касается вас, гауптштурмфюрер Горн, то я вынужден констатировать вашу некомпетентность! Будучи ответственным за подготовку эксперимента, вы эту подготовку провалили! Упустили из-под контроля русскую разведгруппу. Не сумели должным образом организовать охрану, что повлекло гибель профессора Маурера и штандартенфюрера Рашке. Не смогли организовать поиск и уничтожение разбежавшихся испытуемых и русских диверсантов. Допустили попадание в руки противника компонентов спецпайка. У вас есть что-либо еще, что вы могли бы сказать в свое оправдание?

— Но...

— Что?

Горн молчал.

Рыжая девица встала, подошла к двери и открыла ее. В комнату вошли двое эсэсовцев.

– Гауптштурмфюрер Горн, вы арестованы! Сдайте оружие!

Глава 6

Проводив взглядом ушедших, советник встал и прошелся по кабинету. С интересом потрогал чучело медведя, стоявшего на задних лапах. Поцокал языком в восхищении. Вернулся к столу и поднял трубку телефона.

– Дежурный? Обер-лейтенанта Хофмайера ко мне. Да. Именно сейчас! Найдите его, и поскорее!

Вернер сел за столик и взял в руки кофейник.

– Хороший все-таки кофе у гауптштурмфюрера, Магда?

– Неплохой, герр советник.

– Пока ищут обер-лейтенанта, может быть, выпьем то, что еще осталось в кофейнике? Присаживайтесь сюда, время у нас есть...

Минут через двадцать в дверь кабинета постучали.

– Разрешите?

На пороге стоял коренастый офицер в камуфляже. Умные и внимательные глаза быстро осмотрели кабинет и остановились на сидящем в кресле советнике.

– Герр советник Вернер? Мне передали ваш приказ прибыть...

– Просьбу, герр обер-лейтенант, всего лишь просьбу! Мне необходимо задать вам несколько уточняющих вопросов. Надеюсь, это не слишком оторвет вас от важных дел? Или

вы спешите?

– Я должен был отбыть для непосредственного руководства поисковыми группами. Гауптштурмфюрер Горн распорядился...

– Я полагаю, что у него сейчас есть куда более важные вопросы, чем непосредственное руководство вашими действиями. Не так ли, фройляйн?

Рыжая девица молча кивнула головой.

– Ну вот, видите? Так что – присаживайтесь. Жаль, что кофе кончился, но, может быть... – Вернер посмотрел на Магду.

– Я позвоню дежурному, герр советник.

– Ну вот, видите, и эту проблему мы сумели решить! Располагайтесь поудобнее, гауптман...

– Обер-лейтенант, с вашего позволения.

– Разве? Мне казалось, что... Ах да! Увы, старческая забывчивость! Как я мог... Регендорф.

Хофмайер напрягся. Руки его стиснули подлокотники кресла. Внимательный взгляд рыжей девицы мгновенно это отметил.

– Никогда там не был.

– Странно, мне показалось, что я вас там видел в компании этого, как его... Мориарти?

– Не знаю такого.

Наступила пауза. Обер-лейтенант по-прежнему недвижимо сидел в кресле. И только взгляд его быстро перемещал-

ся от советника к Магде и назад. Вернер понимающе покивал головой и, вытащив из папки лист бумаги, протянул его Хофмайеру.

– Вы вот этого ждали, не так ли?

Взгляд обер-лейтенанта зацепился за текст.

«...Приказываю оказывать всемерное содействие по первому варианту... Имеет право отстранять от должности и отдавать соответствующие приказания... С предъявлением этих полномочий вы переходите под его непосредственное руководство...» Подпись – рейхсфюрер СС Гиммлер.

Хофмайер кивнул головой. Встал, одернул куртку и прищелкнул каблуками.

– Так точно, герр советник. После произнесения ключевых фраз вы должны были предъявить мне этот документ. Гауптман Борг к вашим услугам.

– Вот и славно, гауптман! Присаживайтесь. А если бы я не предъявил вам письменного приказа, что бы тогда вы сделали?

– Поступил бы по инструкции. Сообщил бы в Берлин и принял меры к вашему задержанию.

– Как у вас тут все... да... Серьезно!

– Такая работа, герр советник.

– Понимаю. Для начала я хотел бы вам сообщить, что ваш рапорт там, – рука Вернера ткнула в потолок, – был очень внимательно изучен и должным образом оценен. Ваши действия признаны правильными и своевременными.

– Все?

– Вы имеете в виду гибель штандартенфюрера и профессора?

– Именно так.

– Здесь нет вашей вины. Охрана их была приказом возложена на Горна. Более того, рейхсфюрер по достоинству оценил решение об ее усилении вашими сотрудниками.

– Увы, но это не помогло...

– Да, такой вопрос тоже поднимался. Некоторые, э-э-э... специалисты, скажем так, усмотрели в этом даже преступную халатность.

– С чьей же стороны?

– С вашей, гауптман.

– Даже так?

– Да. Их мнение звучало следующим образом: вы, представляя себе уровень возможного противостояния, не приняли мер для своевременного доведения информации об этом до сведения руководства.

– Хм... Посмотрел бы я на них... здесь...

– Их точка зрения не нашла понимания у рейхсфюрера. Но само мнение, а главное – лица, его выразившие, никуда не делись. Вы меня понимаете, гауптман?

– Более чем, герр советник. Спасибо за откровенность.

– Не за что. Нам с вами еще работать, так что я не хочу, чтобы между нами с самого начала были какие-либо недоговоренности. Скажем так, я на вашей стороне. И надеюсь на

ответную откровенность.

– Всегда рад оказать вам помощь.

– Будем считать, что мы договорились. Итак – к делу, если вы не возражаете?

– Слушаю вас.

– Первое. Фройляйн, внимание! Разведгруппа русских действительно была?

– Да. Исходя из анализа засады, их предварительная численность пять человек. Может быть и больше, но ненамного.

– Так... Уровень подготовки?

– Очень высокий. Водители автомашины и мотоцикла были убиты снайпером с дистанции около ста пятидесяти метров. Практически одновременно. Стрелял один человек, мы нашли его позицию. Он сделал всего три выстрела. Причем за очень короткий промежуток времени.

– Откуда это известно?

– Согласно инструкции, мотоцикл не удаляется от машины более чем на двадцать метров. Первым был убит водитель автомашины. Мы установили место, где это произошло, – на дороге остались осколки разбитого стекла.

– И что же?

– Мотоциклист был выбит пулей из седла практически там же. За какое время он проехал бы эти двадцать метров?

– Убедительно... Однако наличие снайпера, пусть и очень хорошего, еще мало о чем говорит, ведь так?

– Так. Оставшийся в живых в момент нападения пулемет-

чик тоже, как и водитель мотоцикла, мой человек. Он уже шесть лет в строю. Мастер стрельбы из пулемета, великолепно подготовленный солдат.

– И?

– Он отстрелял из своего пулемета почти целую ленту.

– И что же?

– Ефрейтор Майниге не только ни в кого не попал, но даже был живым взят в плен. То есть противник сумел подойти к нему настолько близко, что ему удалось это сделать.

– Насколько я помню, он ведь тоже был ранен?

– От места крушения мотоцикла до места его ранения – семьдесят метров. Все это время, пока ефрейтор туда перемещался, он вел огонь – гильзы рассыпаны по всему пути. Мы нашли следы русских, они были именно там, куда Майниге и стрелял. И тем не менее он ни в кого не попал.

– Занятно... Этого не было в вашем рапорте...

– Я только что вернулся с осмотра этого места. Как вы понимаете, я не могу представлять наверх неподтвержденные данные, пока не проверю все лично.

– Понятно. Как вы полагаете, он что-то мог рассказать русским?

– Мог. И думаю, что рассказал.

– Почему?

– Видите ли, герр советник, допрос в таких вот комфортабельных условиях несколько отличается от допроса под елкой в лесу. Тем не менее он ничуть не уступает ему по эф-

фективности. Иногда – и превосходит.

– Вы уверены?

– Да. И для этого мне не потребуется помощь вашей очаровательной фройляйн. У нас есть свои... методы увещевания, порою даже более эффективные...

Магда улыбнулась гауптману, показывая, что оценила его комплимент.

– Так... – Вернер повертел в руках пустую кофейную чашку. Интересно... Что мог знать ефрейтор?

– Многое. Более того, моим солдатам предписано тщательно скрывать лишь основные цели и задачи своей работы. Обо всем прочем они могут рассказывать.

– Да? И кем отдано такое приказание?

– На это есть специальное указание рейхсфюрера. Данный документ вы можете получить в его секретариате, у меня его нет.

– Не нужно, гауптман, я вам верю.

Советник встал из кресла и принялся расхаживать по комнате.

– Сидите-сидите, гауптман. Мне так иногда легче размышлять... Фройляйн, что мы имеем?

– У меня есть несколько вопросов к гауптману, вы позволите?

– Ну, разумеется!

Рыжая девица повернулась к Боргу.

– По инструкции мотоцикл следует за машиной? Или впе-

реди?

– Когда как. На неизвестной дороге – впереди. В нашем случае он был позади нее.

– Вы говорили, что снайпер стрелял три раза. Удалось установить, в кого именно?

– Третьим выстрелом был ранен охранник штандартен-фюрера. Пуля попала ему в плечо.

– Как был ранен ефрейтор Майниге?

– У него слепое ранение в правое бедро. Тупоконечная пуля от русского револьвера «Наган».

– То есть снайпер по нему не стрелял?

– Нет.

– Он продолжал стрелять и после ранения?

– Да. Большинство выстрелов он сделал лежа.

– Тогда как могло получиться, что такой опытный стрелок, как ефрейтор, не попал ни в одного из противников? Ведь для стрельбы из револьвера дистанция должна быть относительно невелика?

– Да. Дистанция должна быть небольшой. Именно это я и отметил. Противник должен быть хорошо подготовлен, чтобы суметь уйти от выстрела на таком коротком расстоянии. Это опытный и хорошо тренированный боец. По-видимому, в задержании ефрейтора участвовали не менее двух человек. Это, кстати, подтверждается и следами обуви на месте боя. Один нападавший отвлек на себя внимание, а второй осуществил захват.

– Нападавшие стреляли тоже? Как много?

– На месте боя мы подобрали тридцать пять гильз от русского оружия. В основном – от автомата ППШ.

– На трупах погибших есть ранения от пуль данного оружия?

– Нет... – Борг уважительно посмотрел на Магду, – раны только от винтовочных и револьверных пуль.

– Таким образом, мы имеем следующее, – рыжая перевернула страницу своей тетради, – засада имела своей целью именно захват, а не уничтожение профессора и штандартенфюрера. Что свидетельствует о том, что нападавшие знали время и место их отъезда, состав конвоя и наличие в нем подготовленных бойцов. Каковые и были ими уничтожены в первую очередь. Соответственно задаче, нападавшие распределились на месте засады. Огнем из автомата штандартенфюрер и профессор были прижаты к земле, чтобы группа захвата сумела подойти к ним на расстояние броска.

– Почему же этого не случилось, фройляйн? – вопросительно изогнул бровь советник.

– Как указано в документах, штандартенфюрер расстрелял почти весь боезапас для автомата и пистолета. Видимо, его активное сопротивление и не позволило нападавшим довести свой замысел до конца.

– Хм... И в этом случае он тоже ни в кого не попал...

– Более того. Я имею все основания утверждать, что противник имеет своего агента внутри данного, – Магда обвела

вокруг себя рукой, – подразделения. Возможно, что и не одного.

– Час от часу не легче! Борг! А на полигоне был вообще кто-нибудь?

– Был, герр советник. Один человек.

– А откуда это стало известно?

– По следам. Мы нашли места, которые он приготовил для засад. Нашли его тайник с оружием и припасами. Кстати, там были две банки консервов из спецсерии.

– И его никто не видел?

– Допускаю, что видели его многие. Он, надо полагать, шел в одной цепи с испытуемыми.

– Искал сам себя? Как такое могло произойти?

– Пока у меня нет ответа на этот вопрос. Он сумел тихо убрать одного из испытуемых и занял его место. Успел переодеться в его одежду. Или изначально был одет так же. Взял его оружие, спрятав свое. И занял его место в строю.

– И никто его не узнал?

– В селе? Наверху его, разумеется, сразу бы вычислили. Поэтому он туда и не пошел. Застрелил пулеметчика, спровоцировал бой между испытуемыми и солдатами охраны... В суматохе перевооружился, взял трофейный пулемет и ушел.

– Просто ушел?!

– Не просто. Он заглянул в бункер, бросил там свою винтовку (мы ее опознали по номеру), прихватил что-то для се-

бя нужное...

– Что?

– Не знаю. Заминировал машину-арсенал и ушел. При вскрытии машины погиб один солдат.

– Это все?

– Нет. Он недвусмысленно намекнул нам, что его искать не следует.

– Каким образом?

– Каждый раз, когда кто-либо шел по его следам, это приводило к жертвам. Сначала это был заминированный автомобиль.

– А потом?

– Один из грузовиков с подкреплением свернул с основного пути. Видимо, старший группы что-то заметил. Не исключено, что как раз русского и увидел. Тогда этот... в общем, он подпустил машину поближе и расстрелял ее в упор. Погибли девять солдат и один офицер. Шесть человек были ранены.

– Интересно... В официальном рапорте Горна это не было как-то выделено.

– Я не знаю, что он там писал. – Борг пожал плечами. – Я докладываю вам *свои* выводы.

– Продолжайте, гауптман. Как вы думаете, тот русский на полигоне и разведгруппа – это одно и то же?

– Судя по уровню подготовки – да.

– Горн действительно с ним говорил?

– Да. Эта встреча была зафиксирована.

– И это был один человек? Или несколько?

– Посты наблюдения видели одного. Мои ребята тоже шли только по его следу.

– То есть в овраге он был один?

– Да. Там был один человек.

– У них есть между собой связь?

– Каким образом, герр советник? Рации у него с собой нет, это точно. Они могли согласовать свои планы, такое я могу допустить. Вероятнее всего, у них есть заранее назначенные места встречи. Туда они и идут.

– Вы сумеете их захватить?

– Найти – точно найду. А вот с захватом... – Борг помедлил, – я бы не был столь категоричен...

– Почему так?

– Как я уже вам говорил, герр советник, это хорошо подготовленные солдаты.

– Лучше ваших?

– Во всяком случае не хуже. А такие бойцы имеют обыкновение драться до последнего патрона. И взять его в плен живым – задача достаточно тяжелая.

– Тем не менее именно это вам предстоит сделать. Как минимум мне нужен их командир. Если сумеете взять кроме него еще хоть кого-нибудь, это не останется незамеченным.

– Это может стоить нам очень много крови.

– Война, герр гауптман. Не я начал эту операцию, да и вы

не вчера пришли в армию. Кому как не вам должно быть известно, что некоторые поставленные цели оправдывают любые потери, связанные с их достижением.

– Я приложу все свои старания.

– Уж будьте так любезны. Вся требуемая помощь будет оказываться вам по первому сигналу. Радисты будут находиться в эфире круглосуточно, да и я сам буду около них практически постоянно. С этой минуты вы получаете полную и абсолютную самостоятельность во всем, что связано с решением поставленной перед вами задачи. Любые приказы вам помимо меня может отдать только лично рейхсфюрер СС. Вот, ознакомьтесь.

Вернер достал из своей папки еще один лист бумаги и протянул его Боргу. Тот внимательно прочитал текст и поднял на советника удивленные глаза.

– Значит ли это, что рейхсфюрер с самого начала предполагал провал операции штандартенфюрера Рашке?

– Нет, конечно. Просто такая возможность была учтена в числе прочих. Еще вопросы имеются?

– Нет. Больше никаких вопросов не имею.

– Можете быть свободны, гауптман. У Магды возьмите конверт, в нем кодовая таблица для радиопереговоров и документы, подтверждающие ваши полномочия в данной операции. Распишитесь на конверте, укажите дату и время вскрытия. Конверт оставьте ей.

Глава 7

Проводив взглядом ушедшего гауптмана, советник повернулся к своей ассистентке.

– Магда, а вам не кажется, что наступило время перекусить более основательно, чем мы это делали до сих пор?

– Давно уже пора, герр советник.

– Тогда позвоните дежурному и распорядитесь, чтобы нам доставили сюда обед. А я пока слегка вздремну вон там, в кресле.

Через час.

– Кто у нас теперь на очереди, Магда?

– Ассистент Гюнтер Лееб.

– Зовите его сюда.

– А он уже здесь, за дверью сидит. Я распорядилась, чтобы его вызвали сразу, как мы закончим обед.

– Вы в который раз меня восхищаете своей предусмотрительностью! Вы золото, вам кто-нибудь об этом говорил?

– Кроме вас – никто.

– Это потому, что они не знают вас настолько хорошо. Давайте, зовите этого ассистента. Посмотрим, что хорошего он нам поведает.

Вошедший в кабинет мужчина в гражданской одежде с сомнением оглядел предложенное ему кресло и уселся в него.

– Позвольте представиться, ассистент, – советник Вернер. Это мой помощник фройляйн Магда. Я представляю здесь рейхсфюрера СС.

– Не тратьте попусту время, герр советник. Я прекрасно знаю фройляйн Магду и представляю себе, в каком качестве она может здесь находиться. Соответственно, и о вашей миссии у меня уже сложились свои представления.

– И если не секрет – какие?

– Кто-то же должен отвечать за весь тот бардак, который произошел тут в течение последних нескольких дней. Поэтому ваше появление здесь можно было легко предвидеть.

– Именно мое?

– Ну, не ваше, так еще чье-нибудь. Вы в данном случае, пожалуй, предпочтительнее прочих.

– Это почему же?

– Потому что я знаю фройляйн Магду уже почти шесть лет. Мы мало встречались лицом к лицу, но сфера нашей деятельности такова, что все более-менее серьезные специалисты знают друг о друге. У фройляйн весьма неуживчивый характер, и тот факт, что она работает с вами, говорит о многом.

– О чем же, например?

– Ну, хотя бы о том, что руководить ею может только специалист очень высокого класса, чей авторитет будет для нее незыблемым. Вы ее начальник, стало быть, и являетесь для нее тем самым авторитетом. Я совершенно не знаю вас, что

свидетельствует только о том, что вы очень ловко умеете держаться в тени. Это делает вам честь.

– Однако... Вы очень неплохо анализируете ситуацию.

– Потому что я профессионал, герр советник. Как только вы арестовали Горна, я понял, что вы вызовете и меня. И, соответственно, подготовился к данной беседе.

– Хм... Ну, раз так, то давайте к ней и приступим.

– Слушаю вас, герр советник.

– Что вы можете сказать по поводу провала операции?

– Какой именно?

– А что, их было несколько?

– А вы об этом не знали?!

– Однако... Потрудитесь пояснить свои слова, герр ассистент.

– Проще простого, герр советник. На полигоне одновременно проводилось две операции.

При этих словах у советника и его помощницы вытянулись лица.

– Расскажите об обеих.

– Предъявите свои полномочия. Желательно в письменном виде.

– Извольте.

Советник протянул ассистенту лист бумаги. Тот внимательно его прочел и поднял на советника вопрошающий взгляд.

– Вам этого недостаточно?

– Разумеется, нет. В данном документе вас уполномочили произвести расследование деятельности штандартенфюрера Рашке. Чем вы и занимаетесь в настоящий момент. Упомянутая мною операция не входит в сферу деятельности штандартенфюрера.

– Которая из двух?

– Вторая. Первая, имевшая своей целью стандартную проверку боевых качеств испытуемых, действительно завершилась неудачно. Здесь вы правы, и ответственность за ее провал несет штандартенфюрер Рашке. Вторая же производилась под прикрытием первой, о чем штандартенфюрер осведомлен не был. Соответственно, он и не мог отвечать за ее успех или неуспех.

– Так... Меня предупреждали, что вы человек крайне своеобразный.

– Уж какой есть, герр советник.

– Тогда держите, вот вам еще один документ. Надеюсь, этого будет достаточно?

Ассистент внимательно прочитал вторую бумагу. Выражение его лица смягчилось.

– Что б вам сразу с этого не начать? Не теряли бы зря столько времени.

– Ну, это уж мое дело, с чего начинать и как. Теперь вы удовлетворены?

– Полностью, герр советник. Готов отвечать на все ваши вопросы.

– Для начала расскажите мне о первом эксперименте. Конкретно меня интересуют особенности управления испытуемыми. Кто, каким образом и при каких условиях может отдавать им команды?

– Подготовка испытуемых проводилась в рамках проекта ОКВ «Неудержимый натиск». Целью проекта являлась подготовка штурмовых групп прорыва. Их планировалось использовать для штурма хорошо укрепленных и сильно защищенных позиций противника. Исходя из этого и были проработаны варианты управления испытуемыми на разных этапах их деятельности. В обычном состоянии, условно назовем его состоянием покоя, они выполняют ряд команд, непосредственно связанных с их жизнедеятельностью. Это команды на перемещение, прием пищи и им подобные. Могут быть отданы практически любым человеком. Состоят из ряда кодовых слов. Это сделано для того, чтобы при отправке испытуемых в войска не сопровождать их на всем этапе следования специалистами института. В этом нет никакой необходимости. Второе состояние, назовем его предбоевым, есть состояние более сложное. В процессе этого происходит назначение цели, подготовка к ведению боевых действий и задается алгоритм поведения испытуемого в процессе боя. Это более сложная процедура, и она выполняется, как правило, хорошо подготовленным сотрудником. Ввиду сложности и малоизученности процессов, протекающих в головном мозге, только очень немногие люди могут осуществлять этот процесс до-

статочно качественно. При этом требуется не только аудиовизуальный, но и тактильный контакт специалиста и испытуемого. В третьей фазе, боевой, испытуемый выполняет только команды на атаку и отход. При этом смена цели может быть произведена любым из двоих специально назначенных для этого людей. А вот команда на отход может быть отдана практически кем угодно.

– А почему в данном случае такое несоответствие?

– Послать в атаку могут немногие. Но поскольку в процессе экспериментов была выявлена такая особенность испытуемых, как полное отсутствие у них инстинкта самосохранения, возникла потребность в том, чтобы их можно было вовремя остановить и вернуть назад.

– Возвращаются они куда?

– В точку выхода. Кратчайшим путем. При этом они находятся в боевом состоянии и способны адекватно отвечать на все возникшие угрозы.

– Иначе говоря, они продолжают вести бой?

– Совершенно верно. Посылать следом за ними людей, знающих команды управления атакой, командование сочло опасным и ненужным. Всегда сохраняется возможность захвата такого человека противником. Поэтому следом за ними могут идти обычные солдаты, способные в нужный момент отдать испытуемым команду на возврат. Наихудшее, что может произойти в случае захвата такого солдата, – испытуемые вернуться назад. Направить их на другую цель –

невозможно.

– Если я правильно вас понял, то участие специалистов института требуется только во время проведения второй фазы?

– Именно так. Процесс подготовки к боевому состоянию является самым сложным и должен выполняться только грамотным специалистом.

– Испытуемых можно подготовить в тылу, вывезти на передовую, где специально назначенные люди отдадут им приказ к атаке?

– Да, все так.

– Хм... У вас получается практически идеальная боевая единица. Заранее подготовленная к бою и ожидающая только приказа. Обладающая высокими физическими возможностями, практически нечувствительная к боли. При этом вероятность ее использования противником практически ничтожна. Так?

– Да.

– Как долго такой боец может находиться в... э-э-э... автономном плавании?

– Теоретически – до двух недель. При наличии спецпайка, разумеется. Так что убежать он тоже никуда не сможет – попросту отключится мозг, и он станет безвольной куклой. Причем – навсегда.

– Заманчиво... Понимаю наших генералов... Такой солдат всегда был мечтой многих из них. Однако, ассистент, вы

весьма лаконичны!

– Я не оратор и не конференсье. Это им платят за болтовню. У меня другие обязанности.

– Ладно-ладно... Уж и пошутить нельзя... Расскажите-ка мне о второй операции, как ее успехи?

– Никак.

– То есть?

– А она еще не завершена. Вот закончим – тогда и будет о чем рассказывать.

– Так. Давайте-ка поподробнее и с самого начала.

Гюнтер пожал плечами. Пододвинулся к столу и налил себе чашку кофе.

– Как вам будет угодно. Только не спрашивайте меня о совсем уж специфических методах работы, ладно? Объяснить я вам и это смогу, только мы тогда тут до утра просидим. Для понимания картины вам и того, что я расскажу, будет более чем достаточно.

– Годится. Рассказывайте.

– Как вы теперь знаете, в институте параллельно велась работа над двумя проектами. «Неудержимый натиск» – по заказу ОКВ. А вот заказчик проекта «Ночной гость» неизвестен даже мне. Профессор, разумеется, его знал, но вот мне не сообщил.

– А штандартенфюрер?

– Этот – точно не знал. Его прерогативой было обеспечение безопасности испытаний, подготовка исходного матери-

ала и прочие аналогичные вопросы. В научную кухню он не лез, да и не понял бы в ней ничего. Все расходы по данному проекту проводились в рамках «Неудержимого натиска» и никак особо не выделялись.

– Почему?

– Не знаю. Это вообще не мое дело, а бухгалтерии.

– А в чем заключались особенности данного проекта?

– Это подготовка одиночного бойца. Полностью автономного, не связанного никакими ограничениями и запретами. При этом он обладает всеми качествами испытуемого, но его умственные способности на несколько порядков выше.

– И зачем это нужно?

– Внешне он вообще неотличим от обычного человека. Так же пьет, курит и шутит. Вы можете подойти и дать ему по морде, он обидится и отойдет в сторону.

– И не даст сдачи?

– Если это не его цель – не даст.

– В смысле – цель?

– Этот боец рассчитан на одновременное уничтожение или захват одной, конкретной цели. Ей может стать любой человек, группа людей или какой-либо объект. В любой точке земного шара. Не имеет значения, кто эти люди или что это за объект и сколько народу задействовано в их охране.

– То есть, по сути дела, это идеальный террорист?

– Да. На своем пути к цели он должен обойти любое препятствие. При невозможности обойти – уничтожить. Выпол-

нить задание и возвратиться назад. Желательно – незаметно для всех.

– Даже и для своих?

– Для него нет таких понятий. Есть люди и факторы, способствующие выполнению задания, есть – мешающие. С первыми можно сотрудничать, вторых обходить или уничтожать.

– А каков срок его автономии?

– Теоретически? До бесконечности. Он потребляет весьма небольшое количество препарата. И может унести с собой достаточно большую дозу. Еду и все прочее, ему потребное, он может добывать сам – его умственных способностей для этого вполне достаточно.

– Сколько таких бойцов вы имеете на сегодняшний день?

– Сейчас? Одного.

– А сколько их было?

– Всего шесть человек. Двое умерли в процессе исследований. Трое погибли при испытаниях. Один выполняет полученное задание.

– Вы говорите, погибли... При каких обстоятельствах?

– Вам все подробно рассказывать?

– Более или менее, как сами считаете нужным.

– В первом случае «призрак» получил задание уничтожить пулеметный расчет противника. Расчет находился на хорошо охраняемой позиции, в окружении большого количества солдат красных.

– «Призрак»?

– Профессор распорядился называть их именно так.

– Ага, понятно. И что же, он уничтожил расчет?

– Ему было приказано принести пулемет и головы солдат, которые из него стреляли.

– Принес?

– Принес. Станковый пулемет и пять отрезанных голов. Но вот при возвращении его обстреляли наши солдаты... увы... до наших окопов он не дополз всего двадцать метров.

– Как же так?

– Его не было три дня, и солдаты уже перестали ждать кого-нибудь своего с той стороны.

– А почему так долго?

– Могло быть и дольше. «Призрак» сам выбирает время и условия нападения. Исходя из наилучшей возможности сделать это максимально эффективно. Кстати, в этом случае он переоделся в форму противника. Видимо, убил кого-то уже в тылу красных и взял его форму, чтобы подойти ближе к цели.

– А другие два случая?

– В одном «призрак» получил команду принести голову командира дивизии противника. При чем он не знал, кто этот командир и где его искать. Ему сообщили только номер части. Он пришел через неделю и принес эту голову. К сожалению, он умер от передозировки препарата. Третьему отдал приказ найти близлежащий партизанский отряд, установить

там комиссара и убить его.

– И как?

– Он выполнил приказ. Но при возвращении наступил на мину, уже около постов охраны аэродрома. После этого, кстати, их и поснимали отовсюду.

– Кто может отдать «призраку» приказ? Назначить цель?

– После гибели профессора только я.

– И какой же приказ «призрак» выполняет в настоящий момент?

– Я приказал ему найти человека, который начал бой с испытуемыми на полигоне, поймать его и привести ко мне.

– И он выполнит данный приказ?! Он что, видел этого русского?

– Да. Он его видел. И я тоже. Мы видели его, когда он шел к бункеру.

– И вы могли тогда же его и убить?

– Герр советник, я получил четкий, не допускающий иных толкований письменный приказ от своего руководителя. Указать «призраку» цель и отправить его по следу через час. Меня, да и вас, я думаю, в первую и основную очередь интересует успех программы в целом, а не смерть одного русского диверсанта. Или я не прав?

– Стоп. Ассистент, в данном случае вы правы. Извините, я это сказал второпях, руководствуясь эмоциями. Ошибся, бывает. Когда и куда должен возвратиться ваш «призрак»?

– К бункеру управления. После выполнения задания. Он

будет там искать меня.

– Существует ли какая-либо процедура, отменяющая полученное им задание?

– Нет. По ряду причин это невозможно. Задание либо выполняется, либо «призрак» погибает. Команды на отход не предусмотрено. С момента выхода на задание он абсолютно самостоятелен и неуправляем.

– Кстати, а почему этих... «призраков» всего шестеро? Их что – так трудно подготовить?

– Более чем, герр советник, более чем. Проще подготовить роту испытуемых по головному проекту. Да и кроме того, «призрак» должен быть добровольцем и идти на это сознательно.

– Так... Благодарю вас, ассистент, вы во многом нам помогли. Не смею мешать вам в дальнейшей работе.

Гюнтер встал из кресла. Коротко, по-военному, кивнул головой советнику. Отвесил куда более учтивый поклон Магде. Повернулся и вышел в коридор.

На некоторое время наступило молчание. Советник задумчиво расхаживал по комнате, рыжая девица что-то писала в своей тетради.

– Так, Магда... Обстановка проясняется... Что у вас? Донесение в Берлин готово?

– В общих чертах, герр советник.

– Прочитайте мне. Возможно, придется внести некоторые поправки в текст. Преамбулу и обращения опустите.

– Минуточку, я кое-что завершу... Так, готово. Слушайте.

Советник уселся в кресло и, положив подбородок на сцепленные кисти рук, приготовился.

– ... вот... в целом можно констатировать тот факт, что операция «Почтовый рожок» вступила в свою основную фазу. Меры по дезинформации противника заставили его обратить самое пристальное внимание на район проведения экспериментов по программе «Неудержимый натиск». Как и ожидалось, командование противника направило сюда группу специально обученных и подготовленных по особой методике диверсантов. Что в свою очередь свидетельствует о весьма серьезном отношении его к полученной от нас информации. Исходя из этого можно предположить, что русские ведут свои исследования в данной области и относятся к нашим возможным успехам очень серьезно. Крайне важным успехом является также и установление названия противодействующей нам структуры противника. Прошу ускорить работу соответствующих структур на сбор данных об этом подразделении. Противником также была проведена обширная дезинформационная подготовка, предшествующая появлению в поле нашего зрения одного из заброшенных агентов. Обращает на себя внимание и тот факт, что в данном случае противник предпринял две, независимые друг от друга, попытки подхода к объекту. Одновременное проникновение через подведомственный шталаг 4в и параллельная заброска группы специально подготовленных дивер-

сантов. Можно с уверенностью сказать о том, что руководство противника поставило своей целью физическое устранение ключевых фигур проекта. Что опять же свидетельствует о том, что мы находимся на верном пути. Разница в способах подхода противника к полигону указывает на то, что мы имеем дело с двумя различными методами подготовки, которые могут во многом повторять или даже превосходить наши наработки в данной области. Вероятно, проникший через шталаг 4в агент подготовлен аналогично наработкам программы «Ночной гость». А сброшенные позднее парашютисты готовились по иной, но не менее эффективной программе. Учитывая факт дублирования русскими друг друга, можно предположить, что их программы обучения и подготовки также еще не доработаны до конца. Хотя надо признать, что даже и в этом виде противник опережает нас в своих наработках. Во всяком случае – по эффективности действия в боевых условиях... Руководству организации на месте будет дано указание об усилении охраны де-факто руководителя проекта, ассистента Гюнтера Лееба. После трагической гибели профессора Маурера он является единственным компетентным специалистом в данной области. Мною проведен соответствующий инструктаж исполнителей на месте. Следует считать доказанным факт наличия внутри организации информаторов противника. Прошу ориентировать на их розыск и разработку соответствующие структуры РСХА. Прошу также ускорить расшифровку пе-

рехваченных радиোগрамм противника.

– Отлично, Магда! Дайте мне текст, я в паре мест вставлю свои замечания, и можно готовить его к отправке.

Глава 8

Из воспоминаний подполковника Барсовой Марины Викторовны.

От места засады группа тогда ушла легко. Даже странно – мы ожидали, что у нас на затылке вскоре повиснут немецкие поисковики. Но прошло уже два часа и... ничего. Майор хмурился, пару раз останавливал нас и прислушивался, один раз даже на дерево залез.

Спустился с него чем-то недовольный и приказал Игорю и Марку выдвинуться вперед и в стороны. Не менее чем на километр. Назначил им точку встречи, и ребята быстро ушли в отрыв от нас.

– Что-то не так, командир? – вполголоса спросил его старший лейтенант Горбачев.

– Сам не пойму. Как-то слишком легко мы от погони оторвались. Не должно так быть. Неправильно все это. Мы не первоклашек завалили, людей серьезных. Должны были немцы на это отреагировать.

– Ну, так и мы тоже не просто так себе погулять вышли. Чай, тоже не вчера школу окончили.

– Все так, Гриша. Да не совсем. Я уже не первого такого немца добываю и порядок их действий в подобном случае знаю. Они должны солдат подвезти и лес прочесать.

– Ну, так они и подвезли. Сам же машины слышал, как по

дороге шли.

– Мало их было, Гриша. Парочка всего. Сколько там солдат? Лес таким количеством не прочесать.

– Так, может, просто не было их тут больше?

– Вокруг леса не меньше полка растянуто, что, так трудно два-три взвода найти?

– Так у них же там, – Горбачев показал рукой в сторону, – бой с кем-то идет. Вот не до нас и стало.

– Да? И с кем это немцы воюют? Кроме нас тут нет никого. Не Леонова же они полком гоняют по лесу? Он, может быть, и силен, но не настолько же?

– Так на полигоне, может, кто из наших засел?

– И сколько же он там сидит? Стрельба то затихнет, то снова начнется. Эти стрелки не на месте сидят... Ладно, хорош тут рассусоливать, пора и нам навстречу ребятам двигаться.

Не успели мы пройти по лесу и пары километров, как навстречу нам выметнулся из-за кустов Игорь. Был он сильно запыхавшийся и весь взмок.

– Товарищ майор! Туда нельзя!

– Что такое? – насторожился Гальченко.

– Немцы там!

– Да неужто? А я уж было перепугался, думал, еще кого черт принес... И что они там делают?

– Сидят. На месте сидят и ждут.

– Кого же?

– Наверное, товарищ майор, нас они и караулят.

– Может, еще кого-нибудь?

– Нет. Пулеметы в нашу сторону смотрят.

– Много их?

– Видел человек восемь. Но там точно еще есть. С тыла к ним немец на лошади подъезжал, поговорил о чем-то, мешок какой-то оставил и уехал. Они из мешка хлеб достали. Потом один из них его куда-то вбок унес. Наверное, другим фрицам потащил. А я так и смекнул, что там еще не меньше взвода сидит где-то рядом.

– С чего бы это?

– Так если в мешке хлеб, то как раз примерно на взвод и осталось. Если один раз поесть.

– Значит, чуток позже им либо еще привезут, либо они с этой позиции уйдут.

– Скорее всего, уйдут. Они даже не окопались. Так, кто в ямке лежит, кто под деревом сидит.

– Форма какая?

– Обычная, полевая.

– Загонщики... Ладно, сворачиваем налево, там Марк нас должен ждать.

Группа спустилась вниз с пригорка. Тут было сыровато, впереди и чуть левее простиралось обширное болото. Под ногами захлюпала вода. Где-то тут нас должен был ждать Гаев.

Так оно и оказалось. Марк ждал нас в условленном месте.

Уже по его внешнему виду стало ясно – дело плохо.

– Что там?

– Немцы.

– Много?

– Самих не видел, только следы. Судя по ним, около двух взводов. След свежий, идет вон оттуда, – Марк показал рукой в ту сторону, где сидели немцы, замеченные Игорем.

– Час от часу не легче! И куда же это они отправились?

– Идут по краю болота. Я полагаю, к холмам, там через пару километров, судя по карте, возвышенности. Вот вдоль них они и вытянут свою линию постов.

– С чего бы это вдруг?

– Если бы они хотели нас тут запереть, так никуда и идти не надо. Вытяни цепь постов вдоль их следов – и все. Мимо не пройти. Лес тут мелковат, разве что в болото нырнуть? Так мы не подводники, никуда не уплывем... А вот вдоль холмов вытянуть цепочку – самое то. Мы еще когда сюда шли, я про себя об этом думал, уж очень там место удобное для засады.

– Так... Задал ты мне задачку. Привал пять минут, сидим, думаем. У кого какие соображения есть? – майор разложил на бревне карту и жестом подозвал нас всех к ней.

– Вот, смотрите. Тут немцы точно есть, Игорь видел. Тут они, скорее всего, уже тоже сидят. Что выходит?

– Коридор, – обычно молчаливый, Мирон показал на карте его направление, – надо полагать, выходит он вот сюда, к

реке. Место открытое, и избежать его не получится.

– Общий вопрос, – кивнул головой Гальченко, – почему коридор? Почему не стандартная «гребенка»?

– Живыми хотят взять, командир.

– Другие мнения есть?

Все промолчали. Других мнений ни у кого не было. Достаточно было посмотреть на карту, и все становилось ясным.

– Тогда машина что – подстава?

– Нет, командир, – отрицательно мотнул головой Ми-
ров, – это уж вряд ли! Мы сюда вдоль болота шли, за спиной
немцев обходили. Все видели, они больше пеклись, чтобы
отсюда кто не вышел. Не ждали нас. Да и по дороге, перед
машиной, два грузовика с фрицами проехали, как раз ей на-
встречу. Там движение неслабое, как на Крещатике в будний
день. Это уж нам так подфартило, что во время боя ни одна
собака не появилась. Непуганые на этой дороге немцы, вот и
попались. Не подстава это, товарищ майор. А что до коридо-
ра этого, так тут и грамотный сержант сообразит – нет отсю-
да другого короткого пути. Если только вдоль болота уйти.
Так там простора для маневра нет, прижмут к краю – конец.
Сюда так прийти можно, пока тихо все, вот мы и пришли. А
вот уходить – другим путем надо, иначе ног не унесешь.

– Так... – майор приподнялся и осмотрелся по сторонам.

Мы все молча ждали его решения. Было понятно, что еще
день, максимум – два, и немцы нас тут зажмут, погонят к
реке. А там уж точно организуют достойную встречу.

– Слушать всем сюда! – Гальченко стукнул кулаком по бревну. – Задача номер один – спасти документы и доставить их в центр. Ответственные за это дело – я и Барсова. Игорь! – Я!

– Выбери на болоте один-два островка поменьше. Оборудовать там срочно ухоронки. В одну – документы и Барсову с рацией. Вторая, чуть в стороне, – моя. Ее ближе к суше расположишь, пойдут фрицы в болото, отвлеку их на себя. Авось и не дойдут до второго схрона.

– Ясно! Разрешите выполнять?

– Обожди чуток. Марк, Гриша! Имитируете прорыв в сторону реки. К реке не лезть! Обозначьте направление и сныкайтесь! Чтобы вас сам черт не отыскал! Пусть думают, куда мы все делись?

– Ясно, командир, – прогудел в усы Гриша. – Сделаем все в лучшем виде.

– Яков! Ты вместе с Игорем имитируешь отход по краю болота. Обратной дорогой, как мы сюда шли. Поэтому смотрим в оба. Возьмете с собой один портфель, у нас их все равно два. Туда бумаги засунем, какие не столь важные, документы фрицевские. Этот портфель можно бросить, если прижмут. Кровянкой его попачкайте, пусть думают, что зацепили кого-нибудь. Задание ясно?

– Так точно! – почти в унисон ответили оба.

– Мы с Маринкой пропускаем цепь немцев через себя, потом идем по их следам. Постараемся на их плечах пройти че-

рез все заставы. Места встречи назначаю вот тут и вот тут, – он указал на карте ориентиры. Что у нас сегодня за день?

– Вторник, товарищ майор, – ответила я.

– Значит, первая встреча у нас будет в пятницу. На этом месте. Следующая встреча в воскресенье, уже вот здесь. После этого пробираемся к своим самостоятельно.

Мы переглянулись. В принципе такой вариант отхода нами тоже предусматривался. На самый крайний случай. Похоже, что он как раз и наступил...

– Олег! Тебе отдельная задача. Сколько у нас мин осталось?

– Каких, командир?

– Всех.

– Противопехотных – шесть штук. Две мины-ловушки. Фугасов могу штук пять собрать, взрывчатка еще есть...

– Хрен с ними, с фугасами. Давай все мины – в дело! Надо у фрицев прыти поубавить, да и собачек если положим, хоть парочку, так и то уже – жирный плюс. Выбери место и ставь все те мины, что у тебя есть, нечего их попусту таскать.

– Сделаю в лучшем виде, командир! Не беспокойся. Парочку тут поставлю, остальные тоже распахую так, чтобы у немцев ум за разум заехал. Пусть покумекают – зачем именно здесь мина стоит? Кого и что она прикрывает? И куда опосля сапер девался?

Да уж, что-что, а придумывать всяческие каверзы из взрывоопасных предметов Мирон был признанный мастер! Такие

порой шутики на коленке собирал – у специалистов волосы дыбом вставали. На мой взгляд, он мог соорудить взрывчатку даже из содержимого нашей столовой. Его карманы были постоянно заполнены всякими проводочками, проволочками и какими-то таинственными железяками. Между пальцами он все время катал хлебный мякиш. Когда я впервые это увидела, то не могла скрыть своего удивления – зачем? Он ответил – для повышения чувствительности пальцев. Да и по части запутывания следов Олег тоже мог дать фору любому следопыту. Во всяком случае, нас он регулярно ставил в тупик своими неожиданными фокусами. Вот и сейчас, получив конкретное указание, он подхватил свой рюкзак и в темпе потопал к тропе, по которой мы сюда пришли. Ох и не завидую я тем, кто вскоре по ней пойдет...

Не теряя времени, мы принялись за оборудование ухоронок. Выкопали на берегу несколько ямок. В две из них уложили рацию и документы. Засыпали все и замаскировали. Прибежавший Олег походил мимо, недовольно покривился, кое-что поправил и быстро установил около одной из ухоронок мину. Игорь критически осмотрел его художества, но промолчал. У них с Олегом шла постоянная пикировка на тему – кто лучший специалист по маскировке следов.

Совместными усилиями мы оттащили подальше от берега парочку бревен и закрепили их на дне. После чего я и командир стали одеваться в костюмы химзащиты. Надели и противогазы, они были у каждого. Только вот фильтров не бы-

ло. Вместо них у нас были запасные трубки. Свинтив их так, что вышел почти метровый хобот, я прикрепила к его концу поплавков из куска деревяшки. Все. В таком виде уже можно было лезть в болото и прятаться под водой. На тренировках мы сидели под водой по несколько часов. Неудобно, зато никому и в голову не придет искать тут диверсанта. Только вот выдыхать надо аккуратнее. Поэтому к бревнам, на которых мы с командиром должны были сидеть, были привязаны на коротких веревках пучки травы. Издали глянешь – кочка и кочка. Даже выглянуть под прикрытием псевдокочки тоже можно. А вот пузырьки от выдыхаемого воздуха в траве не видно. Мало ли в трясине пузырьков? Это не озеро и не речка, тут все время что-то булькотит. Поэтому и выбрали мы именно это место. Нормальному человеку туда лезть не хочется, вот стороной и обойдет. А мы отсидимся. И после уйдем.

Завершив все приготовления, мы с командиром полезли в болото и привязались к бревнам. Словно бы на якорь встали. На бревне сидеть удобнее, а веревка всплывать не дает, не надо еще и на это силы тратить. Сиди и дыши. Из оружия у нас были только наганы и гранаты, автоматы пришлось завернуть в прорезиненные чехлы и повесить за спину. Подчистив следы нашего пребывания и захода в воду, ребята щедро посыпали в округе антисобакином и быстро разошлись по сторонам. У них впереди еще был долгий путь. И неизвестно, кому из нас было сейчас легче...

Прошло уже несколько часов. Сидеть в болоте, пусть и приготовившись к этому, было неудобно. Вдобавок и бревно мне попало сучковатое, какие-то недообломанные сучки все время норовили проткнуть костюм. Вот и приходилось время от времени шевелиться, меняя позу.

Бух! Где-то, вне поля моего зрения, грохнул разрыв. Так... не ошибся командир, идут за нами. Ну, что же, вот сейчас и посмотрим – кто из нас лучше умеет прятаться, а кто – искать?

Прошло еще минут двадцать, и на берегу появился первый немец. Здоровенный мужик в камуфляже. Винтовка в его руках выглядела детской игрушкой. Такому бугаю только ПТР таскать. В самый раз бы подошло.

Следом за этим на берег вышли еще несколько человек. В таком же камуфляже, но уже не такие здоровенные. Стали осматриваться по сторонам. Один из них поднес к глазам бинокль, и я осторожно, стараясь не плеснуть водой, пригнула голову вниз, чтобы глазастый фриц не увидел отблеск заходящего солнца в стеклах противогазной маски.

Досчитав про себя до шестисот, я осторожно приподняла голову. Пока вода стекала со стекол маски, видимости практически не было. Наконец мне удалось рассмотреть обстановку получше. Немец с биноклем уже не стоял на берегу. Отойдя от края болота, он о чем-то разговаривал с другими фрицами, время от времени подкрепляя свои слова короткими энергичными жестами. «Старший! – подумала я. – Ин-

структурирует своих головорезов. Интересно, нашли они следы ребят или нет? Вроде бы специально старались устроить так, чтобы их можно было найти».

Пока не было заметно, чтобы немцы что-то отыскиали. Оружие они держали наготове, внимательно оглядываясь по сторонам. Несколько человек ходили по берегу и изучали его. Вот один из них остановился, поднял руку. В ту же секунду все остальные буквально растворились в траве. «Да, эти ребятки опытные. Хорошо выученные и выдрессированные». Из-за плотно прилегающей к ушам противогазной маски я почти ничего не слышала, но представляла себе, что никаких команд при этом немцы не отдавали. Значит, они постоянно видят друг друга и быстро реагируют на условные жесты. Стало быть, это специальное подразделение, предназначенное для поиска таких, как мы.

Тем временем немец, поднявший руку, присел на корточки и что-то стал делать в траве. Повозившись там несколько минут, он приподнялся и призывно махнул остальным. К нему подошел старший немец и еще двое. Видимо, это были командиры групп или еще какие-то начальники рангом поменьше. Вместе они что-то стали рассматривать в траве. Хотя какое там что-то! Мину они рассматривали! Как раз там ее и ставили. Опытные чертяки: второй раз на ловушку не поймались. Значит, сейчас они еще и ухоронки найдут. Одна из них – так вообще рядом с миной должна быть.

Так оно и оказалось. Порыскав по берегу еще минут пят-

надцать, немцы отыскиали две ухоронки. Обе они были пусты. Единственная ухоронка, в которой было хоть что-то интересное, была прямо у меня под носом. Это был полузатопленный древесный ствол, в дупле которого и лежал прорезиненный мешок с документами. Но в эту сторону никто из немцев даже особо и не посматривал. Молодцы, ребята, хорошо запутали.

Тем временем немцы прекратили поиски. Старший из них повелительно махнул рукой, и две цепочки солдат потянулись в разные стороны. Они уходили по следам, которые были оставлены нашими ребятами. Хреново... Мы предполагали, что на острове они задержатся дольше. Со своего места я не видела, все ли немцы покинули его или кто-то из них еще остался здесь. В любом случае мне надо было ждать сигнала командира. Он находился ближе меня к острову и видел больше меня. Раз он молчит, то и я обожду высовываться. Прошло еще какое-то время, и на краю острова вновь обозначилось движение. Кто-то еще шел по следам немцев. Со своего места я не заметила, кто это был. Но было видно, как в паре мест качнулись ветки кустов, потревоженные проходившим человеком. Сколько я ни напрягала зрение, чтобы увидеть подходившего или подходивших, мне так и не удалось это сделать.

Прошло еще несколько минут, и вдруг я заметила прямо у самой кромки болота неподвижно сидящего на корточках человека. Когда и как он там оказался, я так и не успе-

ла рассмотреть. И если бы не отблеск последних лучей солнца, сверкнувших на стволе пулемета, который он держал в руках, то я бы еще долго его не увидела. Некоторое время он сидел неподвижно, только голова его медленно поворачивалась из стороны в сторону. Потом каким-то смазанным скользящим движением он переместился вбок и снова присел, на этот раз опершись на колено. В этой позе он продолжал прислушиваться и осматриваться. Видимо, услышав какой-то подозрительный звук, он сместился вбок, вскидывая оружие. Где-то я уже видела этот жест, эту манеру движения. Короткие точные шаги. Что-то очень знакомое было в его манере передвигаться. Это точно не был кто-то из наших. Со своего места я не могла рассмотреть его лицо, но было видно, что этому человеку на первый взгляд около сорока лет. Среди наших ребят людей такого возраста не было. Почему-то вдруг мне захотелось вылезти из своего тайника и подойти к нему. Я даже шевельнулась, приподнимаясь. Чуть слышно булькнула вода. Как бы ни был тих этот звук, но человек на берегу услышал его. Не поднимаясь на ноги, он кувырком скатился вбок, исчезнув из моего поля зрения, и только черный пулеметный ствол, глядевший в мою сторону из густой травы, показывал мне, что он еще здесь. Я замерла на месте.

И в самом деле, откуда ему знать, кто тут сидит в болоте? Вот вылезет из-под воды такое чудище, облепленное травой и с очками вместо глаз, – тут у кого угодно нервы сдадут. Шарахнет сгоряча из пулемета – и привет! Я постара-

лась больше не шевелиться. Спустя какое-то время пулеметный ствол исчез в траве. Я подождала еще немного, но неизвестный больше не появился.

Прошло еще около получаса, и до моих ушей донесся лязг. Это был обусловленный сигнал – командир постучал под водой револьвером обо что-то металлическое. На воздухе этот сигнал не был слышен совсем, а под водой расходился достаточно далеко. Даже противогаз не мешал его уловить.

Услышав сигнал, я пощелкала револьверным стволом о металлическую пряжку. Ответный сигнал. Еще два щелчка – можно выходить. Развязав веревку, я приподнялась над водой и осторожно двинулась в сторону берега. Затекшие ноги плохо меня слушались, и пару раз я чуть было не навернулась в трясину. Вот и дерево с тайником. Достав из него мешок с документами и радиостанцией, я осторожно вышла на берег.

Командир был уже здесь, без противогаза и костюма.

– Давай! – протянул он руку за мешком. – В темпе разденься. Пора отсюда уходить.

– Вы видели? На берегу! Кто это здесь ходил?

– Видел. И эта парочка мне явно не понравилась.

– Парочка?

– Да, их было двое. Первый, с пулеметом, – дядька лет сорока или даже больше. А второй – здоровенный детина с винтовкой.

– Мне показалось, что это один человек.

– Я ближе к берегу был, сумел их рассмотреть. Это точно два разных человека. Непонятно, что они здесь делают и куда идут. Самое интересное, что они оба одеты в нашу форму. Учитывая то, что до фронта еще топать и топать, это вдвойне удивительно. Да и что делать здесь окруженным? Немцев полно, деревень нет, укрыться негде, есть нечего. Непонятно мне все это. А от таких непоняток лучше держаться подальше.

– А это не мог быть тот, кого мы ищем, – Леонов?

– Ищем-то мы одного. А кто второй?

– Ну... Мало ли...

– То-то и оно, что мало ли. У нас с тобой уже добыча есть, и к своим принести ее нужно. Тем более что на это есть прямой приказ командования. Да и как ты себе представляешь наше с этими ребятами знакомство? Вылез тут из болота водяной и говорит: «Здорово, ребята! Я свой!» Как ты думаешь, что нормальный человек сделает, когда такое чудовище из воды высунется?

– Если без оружия – убежит. А вот с оружием... Тут трудно сказать.

– Стрельнет он с перепугу. Попадет или нет – другой вопрос, но шум на весь лес поднимет. А немцам до нас полчаса ходу, не забыла?

– Нет.

– То-то же. Немцы, сволочи, по обоим следам пошли. Значит, нам с тобой свой путь искать. Куда эта парочка смота-

лась, я так и не разглядел. Но шанс нарваться на них у нас есть. Это немцы только вперед смотрят. У себя они, на своей территории. Нет у них необходимости оглядываться. Они знают, что мы впереди. А вот эти двое... Они по всем сторонам смотреть должны. Шансов встретить тут своих у них нет. Так что стрелять будут не раздумывая. Про немцев-то они не знают. Лес глухой, выстрелов не слышно. Так что не хотелось бы мне от своих пулю словить.

– Так может, не так все и плохо? Если они по следам ушли, откуда им знать, что следы немецкие? А вдруг это партизаны прошли или еще кто. Может, не будут они так уж сразу стрелять?

– Может, и не будут. Но уверенности в этом у меня нет. А рисковать я не хочу. Точку встречи мы знаем – вот и пойдем к ней своим путем.

– Как скажете, товарищ майор. Пойдем своим путем.

Быстро распределив груз, мы прикинули по карте направление движения и зашагали по лесу. За моей спиной остался островок, на котором я увидела неизвестного. Мы уходили от острова, и меня не покидала мысль, что я делаю что-то неправильное. Мне хотелось вернуться. Зачем-то это было нужно. Только я никак не могла понять – зачем?

Отойдя на пару километров, мы сделали небольшой привал. Пока командир сверялся с картой, я продолжала думать над мучившей меня темой. В конце концов я не выдержала и рассказала обо всем майору. Против моего ожидания, он

отнесся к этому серьезно.

– Видишь ли, Котенок... Ты напрасно сомневаешься относительно своих предчувствий. Будет ли тебе легче, если я скажу, что и сам чувствовал что-то непонятное?

– Вы?

– Да, я. Как ты, наверное, уже успела заметить, все ребята в нашем подразделении не совсем, как бы это можно выразиться... обычные, что ли... Скажем так – не рядовые.

– Да, я это заметила.

– Тогда ты наверняка заметила и то, что тебе с ними работать гораздо проще, чем с кем-либо другим. Понимать друг друга проще, чувствовать, как человек себя поведет в следующий момент.

– Да, это действительно так. Иногда даже говорить ничего не надо, все без слов понятно.

– Вот именно, Котенок, вот именно. Люди с необычными способностями инстинктивно чувствуют друг друга.

– То есть вы хотите сказать, что и там, на острове, был кто-то такой... необычный?

– Да, такой человек там был.

– Один?

– Не уверен... Когда проходил первый, у меня было такое чувство, что я где-то встречался с этим человеком. Что-то знакомое было в его манере движения. Я уже где-то видел эту походку. Но где? Вот что, Котенок... Ну-ка, пройдишь взад-вперед, повернись.

Я прошла до края поляны, развернулась, шагнула вбок, присела, вскинула автомат.

— Ну... Что-то есть похожее, есть. Только вот тогда другая неясность получается. Это ты умела делать еще до прихода к нам. Конечно, и мы тебя на-учили многому, но базовые знания — они всегда видны.

— И что из этого получается?

— Фигня получается, Котенок! Получается, что тот дядька с пулеметом занимался у такого же учителя, как и ты. Ведь у вас же никого третьего не было?

— Не было.

— И окруженцев твой дядя Саша ничему не учил, это я точно знаю. Могли они, конечно, подсмотреть у него некоторые вещи, но этого мало. Да и не было у них там никого в таком возрасте. И каким, скажи на милость, рожном их занесло бы в наши края?

— Но это вряд ли. Я их всех рассмотреть успела. Узнала бы.

— Вот и я о том говорю. Не стыкуется что-то. Да и вообще, странное какое-то у них поведение было на острове.

— В чем странное?

— Пулеметчик четко шел по немецкому следу. Отпечатки ног на земле искал. Ветки трогал. Цель у него была.

— Какая?

— А он на немецком горбу хотел сквозь оцепление пройти, так же, как и мы.

— А второй?

– Вот с ним и непонятно. Под ноги он не смотрел, лес не слушал. Он как собака шел – верхним чутьем.

– Принюхивался, что ли?

– Нет. Такое впечатление, что он больше на слух шел. Слышал он этого первого, пулеметчика.

– То есть как слышал? Между ними расстояние приличное было!

– А черт его знает. Я же рядом с ним не стоял. Чего он там слышал и видел, сказать не могу. Только впечатление у меня такое сложилось. Если пулеметчик шел по следу немцев, то этот, второй, шел по следу пулеметчика. То есть они, Котенок, шли порознь! Не думаю я, что пулеметчик вообще этого второго видел, разрыв между ними все-таки немаленький был. Почему второй из них так себя вел, да и кто вообще эти люди... тут я ничего сказать не могу. Может быть, это наши – те, что с полигона немецкого ушли. А вдруг они в этих лесах еще с момента нашего отступления сидят? Только зачем им тогда немцев преследовать? Искать приключений на собственную задницу? Нелогично как-то получается...

– Так может... Догоним их? Все равно они сзади немцев идут. Навряд ли на рожон-то полезут. Не совсем же они очумелые?

– Думал я об этом. Не можем мы задание под удар ставить. Могу я, конечно, тебе документы отдать, только где гарантия, что ты даже до места встречи дойдешь? А если и там ребят не будет? Что тогда?

– Дойду я. Вы не сомневайтесь. И из худшей переделки вылезла.

– Не сама, помогли тебе. Второго такого случая в жизни не будет.

– А...

Где-то далеко, примерно в том направлении, куда ушли немцы и таинственные незнакомцы в нашей форме, ударил взрыв. Сразу после него защелкали еле слышные на таком расстоянии выстрелы. Протрещал пулемет. Замолк. Снова захлопали выстрелы. Так продолжалось несколько минут, потом все стихло. Мы продолжали слушать. Прошло еще минут десять. Снова ударил пулемет. Длинной, почти на целую ленту, очередь. Вразнобой посыпались винтовочные выстрелы. Гулко рванула граната, и опять все стихло. Мы подождали еще, но больше ничего не происходило.

– Вот и все, Котенок. Вот и конец нашим сомнениям и догадкам. Похоже, что вышли наши незнакомцы на немцев. Или немцы на наших ребят.

Я призадумалась. Пулемета у наших ребят не было. Одна винтовка и один автомат. Были ли пулеметы у немцев? Я не видела, но скорее всего да.

– Товарищ майор! А сколько немцев туда ушло?

– Около двух десятков.

– Пулеметы у них были?

– Правильно мыслишь, Котенок. Были у них пулеметы.

Два. Даже один миномет с собой несли. Если они такой кучей хоть на наших, хоть на этих навалятся, больше двух минут не выстоять. Да ты и сама все слышала. Ладно, пора нам сниматься. Не ровен час, те фрицы, что где-то перед нами топают, проверить захотят, что у них там в тылу бабахает. Нам такая встреча ни к чему. Так что пойдём отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Глава 9

Радиопереговоры

- На связи Третий, вызываю Первого.
- У аппарата Первый. Слушаю вас.
- Докладываю вам, что в квадрате номер восемь обнаружены следы противника. Как я и предполагал, группа разделилась и двумя разными путями уходит из района поисков.
- Удалось установить их численность?
- Да, удалось. Численность группы не более шести человек. Более точно сказать пока не могу.
- В каком направлении уходят группы?
- В направлении квадрата двадцать три и квадрата четырнадцать. Мною уже отданы приказания подразделениям в данном направлении. Они приготовят им соответствующую встречу.
- Это все новости?
- Нет. Противник имеет в составе группы хорошо подготовленных саперов. На путях отхода обнаружены замаскированные минные ловушки. Это снижает скорость нашего передвижения.
- Не упустите их. С каким-то количеством потерь мы могли бы и смириться.

– Я уже потерял убитыми одного солдата и двух служебных собак. Трое солдат ранены. Мы сняли одну мину. Рядом с ней обнаружены замаскированные тайники. По-видимому, противник хранил в них какое-то снаряжение. Тайники свежие, не более двух-трех дней.

– Ваши выводы?

– Мы плотно сели им на хвост. По моим прикидкам, завтра к вечеру мы их догоним.

– Удачи вам. Докладывайте каждый час.

– Спасибо. Конец связи.

– Конец связи.

Однако же немцы мне попались неслабые. Вот уже сколько времени я иду по их следам, а им хоть бы хны! Всего один раз небольшой привал сделали там, где у них кто-то подорвался, да и то на время поиска других мин, а так всю дорогу перли как оглашенные. Более или менее продолжительная остановка у них была только на острове. Там они, похоже, рыли землю тщательно, во всяком случае пару раскопанных ими тайников я нашел. Ничего полезного там не обнаружилось, так что можно уже было уходить. Как вдруг... Я даже не берусь это описать. Что-то булькнуло в болоте, и я автоматически развернулся в ту сторону. Глаза уже отыскивали расходящиеся по воде круги. Вот и источник этого всплеска – небольшая кочка. Уже приготовившись выпустить туда пятак пуль, я вдруг задержался... Что-то словно бы толкнуло меня под руку – не стреляй! Странно, такого чувства рань-

ше у меня не возникало. До рези в глазах вглядывался я в кочку. Показалось, или она стала меньше? Лезть в болото и проверить? А за каким, простите, рожном? Потом еще брюки и сапоги сушить? Они у меня и так не слишком сухие, чай не по асфальту иду, топи вокруг. Нет, не полезу я туда. Да и булькотеть там уже перестало.

На острове немцы разделились на две группы и разошлись в разные стороны. Вот ведь незадача! Куда идти-то? Понятно, что сами они прут по следам наших партизан, с кем-то же они ведь перестреливались там недавно? Отзвуки этой стрельбы я слышал, уходя от полигона. Оттого и свернул в эту сторону. Я здраво рассудил – ежели кто-то насыпал фрицам соли на хвост, так они это просто так не оставят. И пустят по их следам поисковую группу. Раз уж тут такой секретный объект, то просто так нападавшим уйти не дадут. Вот и надо на плечах поисковой группы выйти за линию оцепления. А то пройдет пара дней, немцы успокоятся да и восстановят оцепление. Со всей присущей им точностью и педантичностью. И хрена лысого я уже тогда прорвусь... Пробежав денек, я отыскал следы этой самой поисковой группы. Было их весьма нехило, уж точно не меньше взвода. Так что бодаться с этой командой в открытую мне не хотелось. Да и отбирали в такую группу уж наверняка не доходяг. Лучше уж пускай они себе топают куда хотят, а я тихонечко следом пойду. Эх, не сообразил я форму с какого-нибудь покойника позаимствовать! Глядишь, и сошел бы за своего. Ну, хоть на

первых порах. Паролей-то я не знаю, а они наверняка у них оговорены.

Ладно, это все лирика. А вот за кем мне сейчас идти? Так, прикинем, сколько немцев и куда ушло? Собачки, интересно, у них остались еще? Двух, подорвавшихся на mine, я видел. А кроме этих, еще есть? Следов на острове я не обнаружил. Но это еще ни о чем не говорило. Немцы тут натоптали неслабо, так что я их мог просто не заметить. У левого следа я обнаружил на песке отпечаток прямоугольной формы. Предмет, судя по глубине отпечатка, был приличного веса. Что бы это могло быть? Рация? Отпадает, она меньше по размеру и не так тяжела. Память услужливо подкинула мне картинку давнего боя с поисковой группой немцев в заснеженном лесу. Миномет! Вот что это за коробка... Точно, фрицевский пятидесятимиллиметровый миномет в таком вот коробе и переносят. Ага... Значит, пойдут не быстро, минометчиков одних не оставят. Тогда и я за ними потопая, авось да не убегут они слишком уж далеко...

Утопали фрицы, однако, на достаточно приличное расстояние, сразу догнать их я не сумел. Да и перли они как заведенные, мне трудновато было за ними поспевать. Кроме того, приходилось посматривать по сторонам. Уж кем-кем, а лопухами немцы точно не были, и, значит, боевое охранение у них обязательно имелось. Вот и посматривал я по сторонам настороженно, стремясь первым увидеть дозорного фрица. В какой-то момент я выдохся и присел передохнуть. Дабы

не торчать совсем уж на виду, я отошел в сторонку от протоптанной немцами тропинки и спустился в небольшую ложбинку. В ложбинке протекал маленький ручеек, из которого я с удовольствием напился. Присев на корягу, я заодно перемотал портянки. Осмотрел пулемет, передвинул поближе кобуру с пистолетом. И совсем уже собрался было вылезать назад, как вдруг какой-то посторонний звук заставил меня насторожиться. Я присел на корточки, пытаюсь понять природу этого звука. Он был где-то на границе моего восприятия. Что это было? Лязг? Стук? Непонятно. Отложив в сторону МГ-42, я осторожно вытащил пистолет. Палить из пулемета в тылу немцев было бы явным самоубийством. Я бы и передохнуть не успел, как по мою душу моментом нарисовался бы десяток-другой заинтересованных «охотников». Приподняв голову над краем ложбины, я прислушался. Звук более не повторялся. Однако чуткое ухо мое расслышало шаги. Шел явно один человек. И человек этот не прятался. Вперед, как лось в брачный период. Время от времени он останавливался. По-видимому, прислушивался или оглядывался. Не найдя для себя ничего подозрительного, он снова возобновлял движение. Вот качнулись ветки кустов, зашелестела трава. Он прошел мимо, так и не показавшись из кустов, и вскоре шаги его затихли где-то впереди. Молодой, однако. Здоровый, видать. Вон как по лесу прет. Мне б его годы. Не иначе как вдогонку к основной группе двигался связной. Странно, неужели у немцев нет радиостанции? Или, мо-

жет быть, он несет такие сведения, которые нецелесообразно доверять радио? Поразмыслив, я отказался от этой версии. Немцы у себя в тылу, кого им тут бояться? Скорее всего, он несет что-то нужное и важное. Вот это уже больше похоже на истину. А раз так, то он должен знать пароль для встречи. Во всяком случае охранение его сразу не завалит. Окликнут как минимум. Вот тут и я их засеку. Значит – что? Значит, пойдем следом. Выпустим перед собой, так сказать, тральщика. Пусть он мне дорогу расчищает.

Приняв это решение, я подобрал пулемет и осторожно двинулся за шумным гостем. Какое-то время он продолжал бодро переть вперед, потом несколько сбавил темп. Устал, поди. Правильно, нельзя же всю дорогу переть, как лось, напрямик. Связной тем временем остановился, потоптался на месте и вдруг зашагал в мою сторону. Вот еще здрасьте! На фиг ты мне сейчас нужен со своим визитом! Быстро отскочив в сторону, я по колено залез в болото и присел в густой траве так, что меня невозможно было увидеть иначе как в упор. Не доходя метров пятнадцати, связной остановился и снова принялся топтаться на месте. Он что, тут до ночи стоять собирается? Того и гляди темнеть начнет. Что ж я немцев по темноте искать буду? Хотя... На безрыбье и рак... Осторожно переложив пулемет в левую руку, я потянул из кобуры пистолет. Раз нет возможности догнать основную группу, посмотрим, что там у связного с собой. Осторожно приподнявшись над травой, я повел стволом. Ну и где ты, друг лю-

безный? Давай уж, вылезай из кустов! Связной остановился на месте и не двигался.

Бу-бух! Гулко ударил совсем неподалеку взрыв, и практически одновременно с ним захлопали выстрелы. Связной резко развернулся на месте и двинулся в ту сторону.

Опа! А вот и немцы отыскались. И совсем недалеко. Я-то полагал, что они уже успели от меня прилично оторваться. А они, оказывается, совсем рядом. Перехватив поудобнее пулемет, я двинулся следом за связным. Выстрелы продолжали грохотать. Теперь к ним прибавился еще и пулемет. Пройдя по лесу еще около трехсот метров, я вышел на опушку. Здесь тропинка поднималась на вершину небольшого холмика, затем резко спускаясь вниз. Взяв левее, я рванул на вершину холма. Еще около ста шагов, и я мог рассмотреть происходящее во всей красе. Тропка здесь шла между двумя небольшими озерцами, и ширина перешейка не превышала нескольких метров. Примерно посередине перешейка я разглядел воронку, по-видимому от взрыва мины. Рядом с ней неподвижно лежали трое немцев в пятнистой камуфляжной форме. Около одного из них на земле валялась прямоугольная металлическая коробка – миномет. Впереди по ходу следования я увидел еще двоих, также недвижимых. Не доходя до перешейка, по поляне было разбросано еще несколько тел. Примерная картина засады стала мне ясна. Партизаны заминировали перешеек в самом его узком месте. Весьма удачно: взрывом положило сразу троих. Рванувшиеся вперед

после взрыва немцы были встречены огнем в упор. Их тела и валялись недалеко от воронки. Оставшиеся в живых немцы залегли и открыли огонь по засаде. И тут по ним в спину ударил еще один стрелок. Ударил хорошо, положил почти половину группы. Но и сам далеко не ушел. Уцелевшие фрицы охватили его позицию полудугой и активно осыпали пулями. На первый взгляд я насчитал человек семь. Ну что ж, пора и мне сказать свое веское слово. Вскинув пулемет, я примостил его поудобнее на упавшем дереве. Расправил обернутую вокруг ствола ленту и уложил ее получше.

Длинной очередью я положил сразу четверых. Один из оставшихся резко крутанулся на месте, упал, перекатился, и вокруг меня посыпались листья и ветки, сбитые его пулями. Его поддержало сразу четыре-пять стволов, причем два из них оказались где-то совсем недалеко от меня. А вот это плохо. Значит, я заметил не всех. Стало быть, пора отсюда ноги делать: позиционная война никаких выгод мне не сулила. Партизан молчал. То ли тяжело ранен, то ли убит. В моем положении без разницы, помощи мне от него не дожидаться. Низко прижавшись к земле, я двинулся в сторону. Зашелестели ветки, и где-то недалеко от меня бабахнула граната. Неудачно, осколки прошли в стороне. Хотя удача – понятие относительное. Кому-то все-таки досталось, поскольку недалеко от меня кто-то громко вскрикнул. Ага, значит, кому-то из своих прилетело. Как выяснилось, я немного по-

торопился с выводами. Поскольку со стороны раненого за-
тращали выстрелы, причем пули шли явно не в мою сторо-
ну. Это еще кто там такой оказался? Что за неожиданный
помощник? Упускать такую возможность явно не следовало,
благо что немцы перенесли огонь на него. Кубарем скатив-
шись вниз метров на десять, я вскочил на ноги, чтобы ли-
цом к лицу столкнуться со здоровенным, облепленным ти-
ной немцем. Встреча эта оказалась одинаково неожиданной
для нас обоих. Мой оппонент оказался, как и я, пулеметчи-
ком. Пулемет у него висел на крепкой шее, в руках он дер-
жал коробки с лентами и спешил вверх, надо полагать, чтобы
занять господствующую позицию. Правильно, начал по ним
один кто-то стрелять, потом еще и другой вылез. А откуда
они могли прийти? Из леса, откуда ж еще? Вот он и бежал на
край холма, дабы прочих незваных гостей поприветствовать,
буде таковые окажутся. Увидев меня, он слегка сбавил шаг,
бросил на землю коробки с лентами и начал приподнимать
свое оружие. Не останавливаясь, я рывком преодолел разде-
лявшую нас пару метров и, обходя немца по дуге справа, со
всей дури засветил ему прикладом пулемета в висок. Он по-
шатнулся. И тогда, крутнувшись на месте, пулеметным ство-
лом я от всей души дал ему по каске уже с другой стороны.
Надо сказать, что по своему весу МГ-42 мало чем уступает
хорошему лому. А по удобству удержания и переноски – так
еще и превосходит. О чем немец и позабыл. Напрасно. Ибо
убедился он в этом самым наглядным образом. Сбитая каска

запрыгала по песку, а пулеметчик всем своим немаленьким весом грохнулся навзничь. Минус раз. Оглядев пулемет, не помялось ли там чего, я мысленно поблагодарил немецких оружейников. Еще несколько шагов вперед, и я увидел фланг наступающих немцев. Осталось их человек шесть. Увлеченно стреляющих вверх по не видимой мне цели. Впрочем, уже пять, ибо один из них на моих глазах выронил автомат и ткнулся носом в окопу. Даже четыре, поскольку с головы еще одного слетела каска, и он с размаху полетел вперед. А вот это уже интересно! Выстрел-то пришел со стороны позиции партизана. Значит, жив курилка! И стрелок неплохой! От его позиции до немцев метров сто будет. Впрочем, пора вмешаться и мне. Упав на землю, я врезал из пулемета во фланг наступающей цепи. Последнее звено ленты упало на землю, и наступила тишина. Все, сотня патронов долой. Бросив пустой пулемет, я выхватил оба пистолета и рванул вверх по склону. Один из недобитых немцев еще вертелся на земле, подтаскивая к себе автомат. Левый пистолет тихонько хлопнул, и фрица откинуло назад. Готов... Еще кто-то есть? Пока не вижу. Оглядев поле боя, я прислушался. Тихо. Судя по всему, тот неизвестный, которого зацепило гранатой, тоже мертв. Иначе бы он хоть как-то себя обозначил. Я быстро осмотрел лежащих немцев. Живых не оказалось. У одного из немцев я позаимствовал пистолет. Шикарная машинка. Польский «ВИС-35». Даже и с приставной кобурой. Пистолет я этот знал хорошо и был очень рад, получив его тут.

Надев на себя кобуру, я убрал парабеллум, заменив его новым приобретением. Сбегал к убитому пулеметчику и разжился там патронами, содрав с его пулемета кругляш с лентой. Удобно, хоть висеть сбоку не будет, как раньше. Перезарядил оружие, и взяв свой МГ-42 на изготовку, я направился в сторону позиции партизана.

Подойдя чуть ближе к месту предполагаемой лежки стрелка, я окликнул: «Эй, ты там живой?!»

Ответа не последовало. Наклонившись, я раздвинул руками посеченные пулями ветки.

Откинувшись назад и опершись спиной на поваленное бревно, полусидел-полулежал человек в маскхалате. На коленях у него лежала СВТ с оптическим прицелом. Маскхалат на груди был весь изодран пулями. Сквозь наспех намотанные бинты выступала кровь. Она же пузырилась и на губах. Да, это уж точно не партизан, они в таком обличье в это время не ходили. Стоило мне приблизиться, он приоткрыл глаза.

- Жив?! – я опустил на колени возле него.
- С трудом...
- Откуда вы тут? Это за вами немцы шли?
- За нами. А ты кто?
- Свои. Подполковник Леонов.
- Александр Павлович?
- Опаньки... А ты-то меня откуда знаешь?
- Знаю. Мы за вами шли. Вас примерно так и описывали.

Только не сказали, что вы подполковник, сказали – старшина.

– Ни хрена себе пельмень... Откуда это вдруг?

– Долго говорить. А у меня время в обрез.

– Не торопись и не гони. Сейчас я тебя перевяжу, так что...

– Поздно. Большого толку с этого не будет. Кровь я остановил, а остальное... Тут госпиталь нужен, да где его взять? Меня пулеметчик ихний на перебежке подловил. Так и переполосовал от бока до бока. Опытный, чертяка, я только приподнялся, а он уж в мою сторону и повернулся. Не успел я...

– Отбегался этот стрелок. Вон, у подножия холма валяется.

– Это вы его?

– А кто ж еще?

– Спасибо...

– Не за что. Он и в мою сторону, чай, не с пирогами направлялся.

– Все равно. Хоть не так обидно помирать будет.

– Ну, это ты не торопись.

– Я знаю, что говорю. Запоминайте, Александр Павлович. Вас ищут. Наша разведгруппа направлена именно за вами.

– Кем?

– Не знаю. Приказ пришел, мы и вылетели. Карта у вас есть? А то свою я сжег, когда меня зацепило. Оттого и не стрелял сразу, как вы начали.

– Есть. Вот смотри.

– Здесь, – палец его ткнул в точку на карте. – И вот тут. В пятницу и в воскресенье тут будут наши ребята ждать. Выходите к ним, вас переправят за линию фронта.

– Кому я там нужен, не знаешь?

– Не знаю. Идите туда. Обидно будет, если не дойдете, выходит, мы зазря тут легли.

– Вы?

– Там на другой стороне перешейка напарник мой должен быть. Его немцы сразу огнем задавили.

– Я схожу, посмотрю.

– Хорошо. Там портфель лежать должен, не трогайте его.

– Почему?

– Так надо.

– Хорошо. Не буду, раз надо.

– Уходить вам пора. Немцы скоро хватятся своих солдат, придут сюда.

– Как тебя звать-то?

– Снайпер я. Ребятам скажете, они знают. Винтовку возьмите, она бьет хорошо, не хочу ее немцам оставлять. Наган у меня в вещмешке лежит, с глушителем. Тоже заберите, пригодится вам. Там и еще кое-что полезное отыщите.

– А ты?

Вместо ответа он слегка повернул левую руку. Под ней лежала граната с привязанной к ней тротиловой шашкой.

– Чеку я вынул. Или сам фрицев дождусь, или уже они...

– Вот оно как... Выпить хочешь? У меня есть чуток.

– Давайте.

Я положил на землю пулемет, скинул ранец и вытащил из него флягу с водкой, реквизированную мною у немцев на наблюдательном пункте.

– Держи.

Снайпер глотнул несколько раз и протянул флягу назад.

– Спасибо. Хватит, а то опьянею, шевельнусь раньше времени...

– Хорошо. Ну, бывай, земля. Пойду я, друга твоего гляну.

– Прощайте, Александр Павлович. Удачи вам.

– И тебе тоже.

Подобрав винтовку, я убрал наган и патроны и прочий хабар в ранец. Снайперку повесил за спину, поднял пулемет и зашагал к перешейку. По пути быстро осмотрел побитых немцев и разжился некоторым количеством продовольствия и гранатами. Пулеметных патронов у меня уже хватало – два кругляша и две снаряженные ленты, так что потрошить мешок второго номера, который валялся около перешейка, я не стал. Запасной ствол ни к чему, мне же не позиционную войну вести?

Глава 10

Уже подходя к перешейку, я услышал какой-то треск. Это еще кто там такой ворочается? Звук шел не со стороны перешейка, а оттуда, откуда стрелял из кустов мой недавний помощник. Значит, жив еще? Или там еще кто-то есть?

Стволom пулемета я раздвинул кустарник. Точно, есть. И вполне себе живой. На земле сидел здоровенный парень в нашей форме и оторванным рукавом гимнастерки перетягивал себе правую руку. Получалось это у него не очень удачно, и он морщился, видимо от боли.

– Наше вам! Так ты живой? А снайпер сказал, что ты там, – я кивнул головой в сторону перешейка. – Лежать должен. Он был уверен, что и тебя тоже... того...

Парень замер. Поднял голову и посмотрел на меня. Обвел глазами по сторонам, внимательно разглядывая лес.

– Нет. – Голос его был каким-то хриплым и надтреснутым. – Я здесь. И я живой, только ранен.

– Представляться мне надо? Или и ты тоже знаешь, кто я такой и что со мной надо делать?

– Знаю. Доставить вас к руководству. Живым.

– Ага. Ну, значит, нужна в дальнейшем расшаркивании отменяется. Только как ты это делать собираешься? Идти можешь?

– Не могу идти. Если только очень тихо. Не могу стрелять.

Нужен отдых, тогда мне будет легче.

– Отдых ему нужен! Врач тебе нужен!

– Врача тут нет.

– Ты знаешь, я как-то это тоже усек. Ну, раз нет врача, то, может, и я сгложусь? Давай, показывай, что там у тебя?

Попятнало парня основательно. Осколками гранаты ему изодрало всю левую ногу. Правая рука была прострелена на-вылет, хорошо, что хоть кость осталась цела. Пришлось сбегать к убитым немцам и пополнить запас бинтов – моих, взятых в том же источнике снабжения чуть раньше, не хватило. Закончив перевязку, я отступил в сторону и критически осмотрел результаты своей работы. Египетскую мумию он уже напоминал. Во всяком случае – по количеству намотанных на конечности бинтов.

– Да... Не Версаль, но лучше не могу, уж извини!

– Достаточно, – прохрипел он. – Так уже лучше, главное – остановить кровь.

– Ты чего так говоришь? Что у тебя с голосом?

– Пуля попала в винтовку, и она ударила меня по шее.

Он кивком головы показал на лежащую в траве трехлинейку. Ложе у нее было расщеплено пулями, ствольная коробка покорежена.

– Охреносовать! Тебе, парень, повезло! Могло и башку напрочь снести! Кстати, зовут-то тебя как? Или тоже, как его, – кивнул я головой в сторону лежки снайпера, – по должности называть?

– Артур. Меня зовут Артур.

– Надеюсь, не король?

– Что?

– Не обращай внимания, это я так, к слову пришлось. Был у англичан такой известный персонаж. Про него и книги писали, и кино снимали сколько раз.

– Нет, – мотнул головой Артур, – не слышал про такого. И кино такое не видел.

– Ну это и неудивительно. Большинство этих фильмов и не сняли даже. Ладно, не обращай внимания. Это все лирика. Нам сейчас ноги уносить надо. Куда идти, соображаешь?

– Прежде всего отсюда уйти необходимо. Командир поисковой группы после того, как она не вышла на связь, обязательно пришлет сюда людей. Их будет много, и они не будут ни с кем разговаривать, сразу начнут стрелять. Особенно после того, как увидят своих погибших товарищей.

– Понятно. Отсюда-то мы уйдем, вопрос – куда? Я тебя про направление движения спрашиваю, а не про последовательность действий.

– Я не могу далеко уйти. Поэтому обсуждать дальнейшее направление движения сейчас бесполезно. Надо отойти и где-то спрятаться. Пусть уйдут солдаты. За это время я смогу отдохнуть и восстановить силы. Тогда и будем думать, куда идти.

– Хорошо, принимается. А идти-то ты сможешь? Да и одеть тебя надо. В одних брюках по лесу долго не набегашь.

Где твой хабар?

– Что?

– Вещи где?

– Вон там, – Артур махнул здоровой рукой, – лежит вещмешок. Где-то рядом плащ-палатка. Еще что-то где-то валяется, сейчас даже не скажу где. Если вам не трудно, снимите с кого-нибудь из убитых куртку. Мне будет достаточно. Я могу идти, только очень недолго. У меня в мешке есть лекарство. Это поможет терпеть боль.

– Хорошо, найду твой мешок. Куртку тоже подберем. Фрицы все здоровенные, что-нибудь на тебя точно подойдет. Давай полежи тут немножко, а я в темпе пробежусь.

Я спустился с холма. По пути содрал с одного из немцев более-менее целую куртку. Пару пулевых пробоин и кровавое пятно на спине можно было не считать. Пробежавшись в указанном направлении, я отыскал брошенный Артуром вещмешок и плащ-палатку. Обычный солдатский сидор. Достаточно увесистый. На ощупь в нем обнаружили консервы, патронные пачки и еще какая-то неопознанная мною мелочовка. Нагрузившись всем этим добром, я поднялся назад. Найденыш мой переместился к краю холма, откуда мог видеть все мои действия. Времени он даром не терял. И здоровенным ножиком уже строгал себе крепкий костыль.

– Ты, как я посмотрю, не сачкуешь тут. На вот, держи. Мешок твой и куртка. Примерь. Я вроде по росту подбираю.

Молча кивнув головой, он натянул куртку. Вышло почти впору. После этого он раскрыл горловину мешка и начал там рыться. Достал какую-то картонную коробочку. Раскрыл и все ее содержимое высыпал в рот. Крякнул, лицо его покраснело. Вынув из мешка флягу с водой, осушил одним духом. Облегченно вздохнул и откинулся на спину.

– Полегчало?

– Да. Еще десять минут. Мне нужно оружие. Моя винтовка сломана и не стреляет.

– Костыль тебе нужен, а не винтовка. Оружия у меня на двоих хватит. Еще и мешок твой тащить. Себя для начала унеси.

– Я не могу без оружия. У меня ранена рука, и врукопашную драться не получится.

– Не до драки нам сейчас. Подождем твои десять минут. Я пока по округе пошарю.

Сбежав к месту недавнего боя, я оставил там парочку неприятных сюрпризов для преследователей. Было искушение заглянуть к снайперу, обрадовать его новостью о том, что его напарник жив. Поразмыслив, я решил этого не делать. Бог весть, в каком он сейчас состоянии. Еще примет меня за приближающегося немца – и хорош! Так вместе и похоронят.

Когда я вернулся назад, Артур уже спускался с холма. Однако! Крепкий парень, нечего сказать. Не знаю, чего он там наелся, но действовало это лекарство с эффективностью ло-

ма. Во всяком случае, он уже не кривился при каждом движении. Внешне он выглядел весьма своеобразно. Красноармейские брюки в сочетании с немецкой камуфлированной курткой – сразу и не поймешь, кто такой. Костыль он приладил себе под здоровое плечо, подвязав его веревкой, чтобы не уронить. Куда он дел свой здоровенный ножик, оставалось загадкой. Снаружи его видно не было. Вопрос сей немало меня заинтриговал.

– Артур, а нож-то где? Не забыл?

Он остановился и несколько секунд молчал.

– Нет, он сзади висит. Под курткой на спине.

– А как же ты сидор тащил? Неудобно ведь так.

– Но сейчас я его не несу.

– Хм... А ведь и верно! Как нога?

– Болит, но уже не так сильно. Лекарство помогло.

– Ты аккуратнее смотри! То, что боль не такая сильная – это не значит, что рана зажила. Ну, да ладно. Нам тут не особо далеко топать.

Топать действительно было не очень далеко. От места столкновения мы ушли меньше чем на километр. При этом забрались в самую разнеприятнейшую трясину. Мне пришлось побегать, как выючному ишаку. Сначала я разведаль нужное место и сбросил там часть барахла, потом пришлось тащить Артура. Со своей ногой он там просто бы не прошел. Потом пришлось сбегать еще раз и замаскировать оставленные нами следы. Натоптать ложную дорожку следов кило-

метра на полтора. В общем, после всех этих занятий с меня пот просто градом тек.

Вернувшись на островок, который и был-то всего три на шесть метров размером, я обессиленно рухнул на землю. Артур спал или находился в забытии. Во всяком случае, признаков жизни он практически не подавал. Только стонал иногда во сне. Ножик свой он воткнул в землю прямо около головы. Присмотревшись к ножу, я обратил внимание на то, что клинок слегка блестел, словно смазанный салом. Где он сало-то добыл? Неужто в вещмешке есть, и он в одну харю его стрескал? Вот ведь жмот неправильный! И не поделился даже! Осторожно обойдя остров, я увидел неподалеку от бережка краешек консервной банки. Она упала чуть боком, видимо, ударившись об ветку. А молодец, однако, парень! Пустую банку от консервов закапывать не стал, а утопил в болоте. Если бы не сучок, на который он не рассчитывал, то она улетела бы от берега метров на десять. И хрен бы кто ее отыскал. Подобрал банку, я повертел ее в руках, набил землей и отправил в болото. Закидав спящего ветками, я сам устроился неподалеку от входа на берег. Оборудовал себе лежку, на четырех колышках натянув над ней плащ-палатку. Сверху я накидал всякого мусора. Так что рассмотреть меня даже и вблизи было задачей не из легких. Закатился под плащ-палатку, положил рядом пулемет и винтовку и задремал. Сколько я так проспал, сказать трудно.

Бух! Еще не открыв глаза, я схватился руками за пулемет.

Эхо от взрыва еще гуляло между соснами, а я до рези в глазах всматривался в ту сторону, где он прозвучал. Никакого движения я не видел, но это еще ни о чем не говорило.

Радиопереговоры

- На связи Третий. Вызываю Первого.
- Первый у аппарата. Докладывайте, что там у вас?
- Одна из моих групп имела контакт с русскими диверсантами.
- И каковы результаты?
- Пока они ведут. Мяч на их половине поля. У меня девятнадцать человек только убитыми.
- Ничего себе! А каковы потери противника?
- В боестолкновении со стороны русских участвовало четыре человека. Один был убит, один подорвал себя гранатой. В результате чего мы имеем еще пятерых раненых и одного убитого. Двое оставшихся в живых русских, по-видимому, тоже были ранены во время боя. Мы обнаружили окровавленные бинты в большом количестве. След их отхода с места боя был потерян уже через километр. Там сплошные болота, дорог нет. Прошу вашей помощи авиацией.
- А каких-либо положительных известий у вас нет?
- Есть, как не быть! Мы подобрали часть документов покойного профессора. Скорее всего, вторая группа выполняла роль приманки. Основные документы уносили эти.

– Как были обнаружены документы?

– Около убитого русского диверсанта лежал портфель профессора. Вероятно, его просто не успели забрать. Второй диверсант, тот, который подорвал себя гранатой, перед смертью жег какие-то бумаги. Мы нашли обгоревшие куски карт.

– Ваши выводы?

– Это основная группа. Когда мои ребята сели им на хвост, они оставили заслон и постарались оторваться. Успели даже заминировать часть тропы. Скорее всего, они слишком протянули со временем или просто неправильно рассчитали время подхода моих ребят. Во всяком случае, те двое, которые должны были уйти, сделать этого не успели и вынуждены были вступить в бой. Так что они где-то рядом. Даже имея на руках одного раненого, и то трудно передвигаться. А они, судя по всему, ранены оба.

– Как далеко они могли уйти?

– Три-четыре километра, не более.

– Значит, так, обер-лейтенант, слушайте меня. Отведите группу на пять километров и создайте сплошное кольцо вокруг этого участка. Оставьте пару контролируемых выходов, постарайтесь, чтобы наших ребят там никто не мог увидеть. И ждите.

– Как долго?

– Недолго. Без медицинской помощи им не выжить. Судя по всему, среди этих двоих находится командир разведгруппы. Поэтому эта парочка нужна мне живой. Я отправлю вам подкрепление и задействую авиацию.

Пусть полетают над болотом. Найти они, скорее всего, никого не найдут: не сумеют. Но нервов потреплют изрядно. Так что долго русские там не высидают.

– Я все понял. Других указаний не будет?

– Нет. Действуем, как договорились. Поиск второй группы продолжать. Эти люди тоже мне интересны. Конец связи!

– Конец связи!

Советник положил на стол микрофон и повернулся к секретарше.

– Магда! Будьте любезны, поищите, пожалуйста, нашего незадачливого хозяина. Пусть его доставят ко мне.

Секретарша кивнула головой и подняла телефонную трубку.

– Дежурный? Распорядитесь, чтобы гауптштурмфюрера Горна доставили к нам.

– Садитесь, Горн. Как самочувствие?

– А то вы не знаете, герр советник!

– Представьте себе, гауптштурмфюрер, не знаю! Никогда не сидел на гауптвахте. Я же сугубо гражданский человек. Откуда мне знать, какие у вас там порядки?

– Такие же, как и везде, герр советник, такие же, как и везде.

– Тогда к делу, любезнейший! У вас появился последний шанс реабилитировать себя.

– Что я должен делать?

– Сейчас наш любезный обер-лейтенант... как его там? Э-э-э... Хофмайер! Да, так вот! Он гоняет по болотам тех самых диверсантов, которые и явились виновниками ваших злоключений. Вы получите под свое командование роту солдат и должны будете оказать помощь обер-лейтенанту, который сейчас блокировал их на болотах. Вам все понятно?

– Так точно, герр советник!

– Вот и хорошо. Оружие получите у дежурного. И не забывайте, Горн, это ваш последний шанс. Другого не будет.

Глава 11

Вот уже вторые сутки мы лежим на островке и ждем. Фрицы сначала было забегали по округе со страшной силой. Особенно после того, как на месте боя рванула одна из моих ловушек. Потом ни с того ни с сего они эти поиски свернули и убрались. Взамен над болотом появилась авиация. Какой-то маленький самолетик усердно нарезал круги то здесь, то там. Никакой системы в его полетах не было, и это меня сильно озадачило. Непохоже это было на немцев, они у нас люди правильные и педантичные. Не может быть так, что самолет летает сам по себе. Или они таким образом путают карты тем, кто пытается вычислить очередность пролетов? Очень, кстати, может быть.

Артур большую часть времени спит. Я уже дважды его перевязывал, бинтов осталось совсем мало. По правде сказать, кровь у него идет уже слабее. Видимо, его снадобья оказались куда более действенными, чем я предполагал. Не знаю, как они на все остальное повлияют, но температура у него постоянно держится высокой. Представляю себе его нынешние ощущения...

Правда, спит он вполглаза. Стоит мне чуть шевельнуться, как он тут же их открывает и смотрит по сторонам. Вставать не пытается, видимо поход на остров отнял у него остатки

сил. Вот он их и набирает. Жрет свои консервы – аж за ушами трещит! Со мной не делится, да у меня и своя еда есть. Вскрыв банку, он сразу посыпает ее содержимое своими порошками и только после этого ест. У него этих порошков целый пакет. Подписей на коробочках нет, только номера. Я как-то спросил его, что это за консервы такие странные? Помолчав по своему обыкновению, он ответил, что консервы обычные, только в них добавлено что-то вроде колы, дабы постоянно держать организм на пике активности. Ему это сейчас в самый раз и нужно. Ну а я и без допингов проживу, мне все сон заменяет.

Вообще он парень занятный. По-русски говорит правильно, но с каким-то акцентом. Я его спросил – откуда родом? Он сказал – Вильнюс. Тогда акцент его более-менее стал ясен. Сложен он неплохо, видно, что гоняли его тоже прилично, но, на мой взгляд, – явно недостаточно. Некоторых вещей не знает и даже не догадывается об их существовании. Говорит мало, да и то, только когда его о чем-то спрашиваешь. Сам он разговора так ни разу и не начал. Ну, да его понять можно. На его месте я бы уже всех медсестер придирами извел. Так что спит – и слава богу!

Пользуясь вынужденной передышкой, я анализировал прошедшие события и прикидывал различные варианты дальнейшего существования. Некоторые из них были и вовсе безрадостные – и я их отбраковал. Оставшиеся разложил по полочкам и принялся вертеть их по-всякому. Как ни крути, а

высидеть тут долго не выйдет. Немцы идиотизмом в тяжелой форме не страдают, и дурацкие решения им не свойственны. Это вам не современные мне политики – там даже сразу-то и не понять, баран он или прикидывается? Тут все выверено, продумано и организовано должным образом. Особенно в своем тылу. На практике, так у них и в самом конце войны все службы функционировали настолько четко, что наша мэрия удушилась бы от зависти! И никакие бомбежки этот механизм не сломали! К чему это я? А к тому, что если немцы в болото не полезли – есть у них вариант решения и на этот случай. Вот только какой? Я прикинул себе два, и оба меня не радовали.

И так и этак я рассматривал эти варианты, прорабатывая все возможные пути отступления отсюда. Был бы я один, проблема решилась бы намного проще. Но вот куда девать Артура... Да и, кроме того, что-то подсказывало мне, что терпение немцев тоже не будет безграничным. Совершенно четко я понимал: фрицы чего-то ждут. Если они не получают ожидаемого в самое ближайшее время, то устроят тут такую «проверку паспортного режима», что любой ОМОН обзавидует.

Прошел еще день. Самолет стал летать чаще. Зато Артуру стало существенно лучше. Он уже вылезал из своего убежища и ходил по острову, не пользуясь костылем. Рука у него тоже поправилась, хотя и не в должной степени – стрелять он еще не мог. Я рассказал ему о своих наблюдениях. Внешне

он никак на это не отреагировал, но спустя какое-то время сказал, что предвидел подобную ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.